

18+

ПОСЛЕДНИЙ ВЕК

МИРА

Трифон Никифоров

Трифон Никифоров
Последний век мира

«Издательские решения»

Никифоров Т.

Последний век мира / Т. Никифоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-652059-2

Три истории трех значимых персонажей, что раскроют три великие тайны их мира. Каждый столкнется с трудностями, что за пределами их сил, однако надежда всякий раз разгорается после поражения все сильнее. А может то — лишь слепая ярость, обманчиво ведущая их на погибель? Каждый стремится утолить свою жажду, будь то знания, мир или познание себя. И все же ими движет лишь одна цель: защита дорогих сердцу людей, поскольку лишь в их силах переломить рок, нависший над каждым живущим.

ISBN 978-5-00-652059-2

© Никифоров Т.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Юстос Эстин	10
Велибор Райс	25
Колонс	36
Глава 2	43
Юстос Эстин	43
Велибор Райс	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Последний век мира

Трифон Никифоров

© Трифон Никифоров, 2025

ISBN 978-5-0065-2059-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Несомненно, дорогой читатель желает окунуться поскорее в неведомый ему мир, так похожий на многие, и так же отличный от них. Его интерес иной раз подстегивают неведомые создания, коих трудно уничтожить или договориться; туманящие разум события древних веков, сказывающиеся на нынешнем времени; постоянные склоки разных рас и видов, оканчивающиеся войной и горем; многозначительный главный герой, уходящий всякий раз от смертельной опасности и поражающий своей изобретательностью. Все то рождается в умах не случайно и иной раз само вспыхивает, отворяя врата неизвестного, даже для писателя, повествования судеб и трагедий, коих никогда не было и никогда не случится. То – фантазия автора, перенесенная на листы и спешащая открыться каждому внимающему взгляду. И, будь тот ум, скрывающийся за «грустным» взором, мудрен и гибок, он всецело постигнет ту глубину терзающих чувств, то пылающее сердце, что ступает в огонь, те мысли, полнящих голову без ясного разума. Коли ты таков, алкающий тайн читатель, открою я тебе завесу. Однако, как в любом приличном круге интересов, всякая история начинается с приветствия.

Здравствуй, искатель событий, что лежат вне пределов нашей истории, вне любого скромного разума, вне законов нашей тверди. Да будет твой путь наполнен влечением и сочувствием к героям, пусть ничто не ускользает от бдительного ока, и каждая глава подтолкнет к желанию наслаждаться последующей. Россыпью по страницам разбросаны явные и довольно скрытые намеки грядущего. Желая тебе отыскать их и быть готовым без удивления постигнуть участь каждого персонажа. Теперь же окунемся в конец начала бытия людей и иже с ними.

Почему именно этот момент знаменует начало повести? Именно он стремится вобрать в себя часть предыстории, суть конфликта и знаки его решения. На том основан и тем живет Пондер – обетованный материк среди великих вод и островов Темунда, не менее важного мира тверди. Его история трагичная и воодушевляющая, чем полнится он от начала и до конца своего существования. А началось бытие с удара.

Во тьме и пустоте с огромной скоростью летел кусок безжизненного камня к не менее мертвому Темунду. словно чья-то воля несла его напрямиком к замерзшей планете. Его мощи хватило бы разнести даже вдвое, а то и втрое, большее небесное тело, только на пути внезапно пролетал один из небесных спутников Темунда. Он принял весь удар на себя, разлетевшись в стороны и смягчив падение. Однако, напор был силен, и, несмотря на расколотые части, метеорит достиг заветной цели. Его энергия сдвинула планету с орбиты ближе к светилу и разбудила множество вулканов. За многие тысячи лет благодаря приемлемому климату, воцарившегося от влаги и полезных элементов, сформировалась жизненная среда. Стали появляться первые растения и организмы. Однако, не только жизненную силу принес небесный скиталец. Преодолевая неисчислимые расстояния, он впитывал в себя бессмертную энергию во мраке небытия. Осколки проникли глубоко в почву, оставив кратеры, и даровали могущество тем, кто тонко чувствовал колебания энергии, кто смог сфокусировать её в материю. Использовать её смогли через огромное количество веков лишь трое. До них никто и слыхом не слыхивал про необычные чудеса, появляющиеся по желанию. Чародеи быстро остановили распри и установили наставничество. Люди приходили к ним за советом, помощью и службой. Трое не считали себя богами, чувствуя власть свыше. Набираясь мудрости, они открыли источник бессмертия в одном из затухающих осколков и черпали силу из него.

Сила росла с каждым прожитым веком. Наконец, когда чародеи почувствовали предел своего могущества, они ознаменовали конец закатной эры, при коей всяк боялся за свою жизнь из-за бесчинств и безнаказанности некоторых людей, постройкой дворца невиданной красоты в поселении Харрасса и провозглашении окрестных краев – государством Тахауалят Саламун, или по-простому – Тахсал. Отныне всякий ведал о немедленном наказании за тяжкий просту-

пок от вездесущих Трех. Именно там был создан совет чародеев, устанавливающий порядок в южных и западных краях. Север и восток тогда были слабо заселены, потому и не обращали туда свой взор поборники суда. Поначалу поселенцы запада не хотели принимать власть мудрейших, но постепенно сдались под выгодными условиями.

Лишь одна крепость не сдавалась до последнего. Имевшая важное стратегическое значение, она была единственной, где обитали невиданные существа, коих было множество до охоты на них людьми. Они вобрали в себя необузданную силу метеорита и, из некогда бесформенных духов, научились принимать облик любого животного или птицы. Существ различали по облику, чем и окрестили их Спектралами и Лакрепсами. Первые могли принимать облик любого живущего на Темунде, кроме человека. Для этого им всего-навсего нужно было увидеть хоть раз такого. Вторые же, наоборот – принимали облик человека и странных животных. Они могли менять размер и форму любой части своего тела. Огромное отличие от Спектралов было в умении их говорить и понимать любую речь.

Поселенцы запада воздвигли им лабиринт, где любой мог заблудиться и остаться там навечно. В скором времени рядом с ним построили крепость для их защиты от посягательств других людей, назвав ее древним названием, коим ныне не пользуются и называют – Ласпек.

Шли годы, и чародеи все больше желали заполучить эту крепость. Наконец, когда время переговоров вышло, властители послали армию разгромить пристанище врага и заполучить крепость, лабиринт и ее обитателей. Жители крепости не собирались отдавать ее без боя. Женщин и детей отправили на запад к древней разрушенной деревушке подле великих гор. Осада длилась несколько месяцев, пока армию юга не отбросили назад. Чародеи и сами пытались своими силами пробиться за ворота, но Лакрепсы неожиданно встали на защиту поселенцев. Они обернулись горящими каменными существами и вселили страх даже в могущественных из людей.

Трое не признали поражение. Они отправились искать осколки, дарующие им силу, поскольку осколок в Харрасса непреложным обетом было решено не использовать ни при каких обстоятельствах, покуда дарует он бессмертие. Долго шли поиски. Некоторые найденные осколки успели отдать свою силу и стать обычными камнями. Малая доля их, впившись в сердца гор, расплавились и образовали необыкновенные серебряные жилы, отличавшиеся от обычных. По прошествии двух лет в горах на востоке трое нашли средний осколок. Камень излучал сияние полное звезд. Окутывающий его мрак расступался под теплыми лучами. Мудрейшие были в восторге. Они стали жадно впитывать энергию осколка, как северянин, прошедший пару дней под палящим солнцем, воду. Незримая аура искателей стала наполняться светом, а свечение осколка тускнеть. И, когда камень окончательно потух, раздался удар, породивший небольшую встряску где-то в глубине Пондера. Чародеи даже не обратили внимание на это – настолько были поглощены их мысли своим могуществом. Они мигом переместились к крепости, где воины все эти годы ждали осады. Армия вновь собралась и вышла к стенам Ласпека.

Осажденные увидели чародеев и затаились. На стенах не было видно никого. Войско по приказу подготовило большие костры, опаляющие, казалось, сами небеса. Как только они набрали силу, трое обрушили на крепость яростный пламень. Жар был такой, что камень начал плавиться и собираться в лужи, которые испарялись. Воины юга предварительно отступили на большое расстояние, чтобы не быть обожженными. Огонь пробрался во все выемки и проходы, не оставляя без внимания ни один уголок. Когда же пламя погасло, воины не нашли ни одного тела и даже мебели. Всё унёс пожар. Так была взята неприступная крепость.

В паре дней пути основали поселение, в котором жили семьи, несущих службу в Ласпеке. Поселение росло и развивалось. На западе вместо деревушки поставили заставу, защищавшую край от остатков врага, коего окрестили «отвергнутым».

Шло время, Пондер трясся все сильнее и чаще, а в сердцах чародеев зрела тревога. Они чувствовали приближение чего-то, что надолго запомнит материк.

И в одну безлунную ночь, что бывает очень редко, четырежды прогремел гром, бесконечно вторя эхом по всему Темунду. Вслед за ним наступила тишина, но не суждено ей было дожить до утра. Во мраке из-под толщи тверди выбрались существа невероятной силы. Вековые сосны едва достигали до их живота, а масса была, сравни левиафану, которого можно было встретить лишь в рассказах мудрейших. Они появились из разных точек Пондера, неся каждый своё уничтожение.

«Сошедший с гор был пламенным и облик человека всем явил, что на плечах носил без кожи голову саламандры. Всё тело, словно из костра, спеклось, и лишь глаза остались целыми. Несущий хаос и страдания направился на восток чрез озеро, что в пору морю было.

Из-под вод его возвысился титан. В обличье крокодила он выделял такую жидкость, что всё живое погибало и разлагалось подле его лап. Он вышел после пламени и двинулся туда же, как собрат.

Из северных снегов, покрытый льдом нетающим и прочным, за братьями к горам восточным вышел третий без разума гигант. Он был в обличье белого медведя с парой длинных и острых клыков. Всех ближних охлаждал настолько, что замерзала их душа.

Четвёртый вылез из барханов пустыни близ Тахсала. Всеядный, ненасытный не больше братьев в высоту, но длиннее их раз в десять. Пожрать бездумно тех троих он мог, но сила их не позволяла. Он вылез вместе с северным до водного и после пламени и устремился к остальным.

Все твари подошли к горам востока почти одновременно. И там, куда упал большой кусок метеорита, они сломали толщу камня, всю гору сделали равниной. Из этой толщи вылез тот, кто был могущественнее их, но ростом меньше, с человека. Он светом был ярчайше звезд, и пламя первого тускнело перед его оставленным на почве следом. Пройдя немного, форму он обрёл и скрылся свет в объётах плоти. Обычным человеком он вдруг стал и, не говоря ни слова, направил тварей Пондер очищать от тех, кто выше был над фауной лесной. И тот приказ был выполнен почти. Веками материк страдал от жатвы человеческого рода.

Однако на стороне людей был свой защитник. Он внял молитвам скрывшихся в пещерах под горой последних из людей. Тогда святой Магориэн послал на Пондер в озеро царей десяток душ под воды в глубину. Из центра вдруг возник над гладью водной округлый остров с десятью из камня саркофагами, в чьих недрах жизнь проснулась из пустоты. Не выдержали плиты смерти ударов оживших мертвецов. Из мрака тех могил на серость мира обреченного вышли стражи света на погибель жнецов людей. Сильны, как море, быстрее ветра, а с виду – человек. Лишь глаза цвет болотный и пустота во взгляде выдавали мертвецов.

Лишили десять четверых свободы, власти и умений. Забросили по клеткам их в утробе почвы, воды, песка и льда. Отправились за вожаком, что Дэмером назвали. По материку его шесть лун искали. В обличье человека скрытен был и спрятался, когда узнал о мертвецах, что вермертами кличут. Его нашли, но не без жертв. Троих он неожиданно для них порвал и бросился в бега. Сильны способности его, но стражей больше. К ним на подмогу Трое подошли. На топях скверных семеро поймали, держали из последних сил, а трое чарами сковали. И поняли тогда, что все их силы вкупе хватит еле-еле на заточение врага. Немедля жизнь свою отдали с телами, разумом, душой. И этого хватило. В жерло потухшего вулкана, откуда появился он, перенесли его и запечатали тремя барьерами надолго». Среди людей легенда эта ходит. Что было истиной – поведают иные.

Так кончилась эпоха вермертов, страданий и надежды. Людской род вернулся в Тахсал под эгидой сына одного из трёх. Он унаследовал частицу силы своего отца и долгожительство, что позволило ему отстроить разрушенное государство. Его провозгласили верумием, что означало «справедливый». Это стало наивысшим титулом на Пондере.

Спустя десятки лет народу стало мало песков Харрасса и, с позволения верумия, несколько сотен ушли на восток, обживать дикие места. Однако, восток не встретил их благодатными условиями. Спокойной их жизнь уже не была с тех пор. Как только поселение было построено, стали пропадать люди, а из ближайшего леса повадились выходить порождения флоры. Их кожа была древесной, глаза пустые, а сами, как дикие хищники, хотели только убивать. В первую же встречу погибла дюжина ратников от рук тех, кому не страшен был урон от стали. Лишь пламя справилось с неукротимым напором лесных созданий. Так и продолжалась жизнь поселенцев, в постоянных битвах и нехватке рабочей силы. Но, вопреки их судьбе, они крепко основались, построив город Древозар с каменными стенами внутри деревянных, посреди которого был чертог князя, дальновидного и мудрого. Благодаря ему в восточном регнуме, как позже стали звать один из трех краев союза, появилась армия, торговля и вера в будущее процветания Гобинворга, означавшего «богатая поляна». Своих людей прозвали Боричи, что жили подле леса.

Шли годы, поселение на западе выросло и стало носить название Эстин – в честь имени рода его представителей. С каждым месяцем оно наращивало потенциал. И в скором времени королевство Эстин стало отдельным регнумом от государства Тахсал, как и Древозар. Все три регнума заключили союз и помогали друг другу. Наступил относительный мир. Запад боролся в небольших стычках с отвергнутыми, восток – с порождениями флоры, а юг, в частности его верумий – Фейхран Фаранх – с энергетическими аномалиями после изгнания существ в глублины Пондера.

Сменялись поколения поколений, и каждый регнум стал больше полагаться на себя, нежели на союзника. Посему и законы, и указы, и воля стали иными, более выгодными для того регнума, в котором они и издавались.

Глава 1

Юстос Эстин

Повесть горестных лет

Минули горестные дни, когда каждый живущий оплакивал ближнего, когда страх ещё не покинул сердца выживших. Кончилась эпоха страданий. За ней пришла третья, рассвет которой оставался столь несбыточным, что иные покидали мир без какой-либо надежды. Для каждого отчаявшегося закат второй эпохи, когда даже светило сокрылось под мраком туч, и явилось смирение с неизбежным, был концом всего живого. Ибо тьма поглотила всё иное перед самым рассветом.

Последние весенние лучи, пробившие густой смог пепла и гроз, озарили серое лицо Темунда. Ликуя на остатках воды и в глазах, позабытых другие цвета, они сияли, знаменуя свою победу в бесчисленных битвах за небо.

Лишь спустя поколение, рождённых в пору пробуждения, чистых и незапятнанных выживанием, заботы простого люда стали менее опасными. Молодые учили родителей беспечности, бесстрашию и вере в следующий восход. Однако, немногие смогли вернуться к прежнему быту. Большинство по-прежнему от громкого звука искали убежище и не выходили, пока не убедятся в безопасности. Эту привычку они сохраняли вплоть до последних своих дней.

После разрухи работы было много. Немногие оставшиеся мастера дерева и камня восстанавливали разрушенные регнумы, попутно наставляя новое поколение в учении их ремесла. Мастера металла с учениками сгнули во вторую эпоху, отчего знания их упокоились вместе с ними. Однако, владыки не смирились с утраченными знаниями. Отряды скитальцев отправлялись на поиски пусть и малых, но важных крупиц знаний, сравнимых с ценой нового дома в возрождающихся городах.

Народ старался на благо своего регнума и на суше и на воде. Плотники строили новые суда для рыболовства, за счёт чего, с каждым новым кораблём, приближались к чертежам быстрходных парусников. Такие деревянные кони могли пересечь моровое озеро и направиться дальше за море к южным островам, остающихся безвестными за неимением слухов о них. Важной задачей было наладить торговые пути между союзными территориями.

За работой люди меньше предавались воспоминаниям о своем горе. Все больше мысли посещали радостные и светлые. За работой прошла не одна жизнь, но плоды трудов страдалцев радовали душу их потомков. Правители менялись, но белокаменный Мурумал, город западного регнума, обелиском возвышался над водами озера близ него. И каждый помнил, чьи руки возводили крепкие стены, большую гавань и величественный замок на возвышенности скалы. Помнили и чтители заветы своих отцов и матерей.

Однако, и в светлые дни бывает пасмурно. В рассвете сил и на закате зрелости погиб двенадцатый верумий запада. В пасмурное и дождливое утро люд Мурумала простился с Дуктором – величайшим героем, любящим мужем и отцом, справедливым правителем и праздным весельчаком. Тайны окружали его скорую кончину, и не нашлось мудрецов, что могли бы ответить на них. Множество разных слухов ходило, но в них не было и частицы истины.

Быстрходное парусное судно с двумя палубами неторопливо выходило из гавани на восток, словно ленивый бегемот отталкивается от берега в попытке переплыть большую грязную лужу. Вмещаая на борту особенных гостей, оно важно поворачивалось кормой к выходу в сторону озера, представ на обозрение всем собравшимся. Однако, ни один корабль не выходил в одиночку. И этот раз не был исключением. Дабы не привлекать внимание сторонних

от союза судов, вслед за основным, отчаливал и военный однопалубный корабль. Оснащённый дюжиной мест гребцов, на места которых могли сесть матросы, он без трудностей преодолевал любые воды вне зависимости от ветра.

С великим горем наблюдал за судами народ регнума, столпившийся в порту в последний раз увидеть тело защитника Мурумала. В знак благодарности и великой чести мужчины снимали шляпы и чепцы, а у кого было оружие – поднимали его вверх, отдавая последнюю дань памяти Дуктора. Женщины рыдали, прижимаясь к груди мужчин, моля святого Магориэна принять его душу к себе в бескрайние сады благодати. Стоящие рядом дети, не осознавали той потери, что понёс Мурумал. Малые, как никто другой, чувствовали горечь родителей и заходились слезами, а старшие лишь выказывали должное почтение молчанием.

Судно мерно покачивалось на волнах, все дальше уходя в кажущиеся бесконечными воды морового озера. Фордуны и бакштаги раскачивались на ветру, как ветви деревьев, при натяжении каждый раз издавая звуки разрезаемого кочана капусты. Лёгкий бриз наполнял паруса на мачтах, набирая все большую силу. Поздняя весна доносила слегка прохладный поток с северо-запада, позволяя открыть все паруса и набрать максимальную скорость. Матросы бегали по палубам, выполняя приказы грозного капитана, что не давал им спуска в силу своего положения, а не по прихоти.

В бытность свою заядлым мореплавателем, он ходил по этому озеру еще ребенком на торговых судах с отцом. Опыт впитывал, как морская губка, уходя от штормов западного дальнего моря, от набегов южных пиратов и от военных судов союза, перевоза контрабанду. Когда же отец покинул его, отправившись далеко на восток в поисках других материков, Гордмин ушел во флот Эстина, где дослужился до капитана личного корабля верумия. До зрелых лет привычка контрабанды не отпускала его. Однако, с трудом он поборол её, отпустив полностью прошлую жизнь.

Палуба полнилась стремительным бегом матросов, но было и место спокойствию и неторопливой задумчивости. На полубаке по правому борту стоял, погруженный в себя, новый верумий Мурумала – Юстос Эстин. Оперевшись на мягкое, но прочное дерево, он неотрывно вглядывался в танец потревоженных вод. Темно-зеленая туника с золотыми пуговицами отлично сочеталась с полукруглым плащом небесного цвета. Вышитый серебряными нитями герб Мурумала – Спектралл в объятиях Лакрепса в первородном обличии над лабиринтом украшал дорожную ткань. Его Юстос надел лишь однажды – когда первый раз вошел в замок Мурумала простым воином. Плащ принадлежал Дуктору, благославившему славного воина за самоотверженность и поддержку запада. Узкие штаны слегка давили в самых неприятных местах благодаря дамасту. Но, то была обязанность верумия – выглядеть подобающе, нежели желание удобства простого человека. Мягкие сапоги, к которым он привык сразу, как надел, выдавали в нем благородную кровь, благодаря выжженному рисунку примитивного замка с первыми буквами имени носящего. И это единственное, что Юстос в них не любил.

Он не был из рода Эстинов, что основали поселение и воздвигли город. Его родные жили скромнее граждан Мурумала, но не это придавало массу вопросов о его правлении. Он был отвергнутым, что прошел через жестокие испытания и закалился, как сталь закаляется в горне. Ему противило даже вспоминать о тех последних днях, которые изменили историю Мурумала. Воспоминания роились внутри, словно пчелы в улье. И с каждым помянутым событием он становился угрюмее.

Морщины собирались у него на лбу меж шрамов, оставленных, как отметины истории на лице Пондера. Много битв осталось позади, но одна его тревожила больше остальных. Её призраки не унимались и пребывали с ним до сих пор.

Словно в видении, он услышал звон клинков, крики боли и нескончаемый гул голов. Юстос стоял на плато Ласпека с мечом в руке. Кровь стекала с его рук липкая, горячая, чужая. Отдышка сбивала внимание. На лбу новая рана, рассеченная наискосок не более

мизинца. Жизненная влага стекала по переносице на кончик носа и капала на сухую каменистую почву. Перед ним стоял его названный брат. Он сжимал молот двумя руками и дико смотрел на Юстоса. Наконец, оба рванулись друг к другу. Мощный удар стали о сталь и...

Внезапно, память отступила, а внимание заставило оторваться от волн и обратить взор на дверь, открывшуюся весьма уверенно и с ударом о стоявшую рядом бочку. Осматривая окрестности, на палубу вышел Форут – средний сын Юстоса. Его пятнадцать лет обманчиво представляли в чужих глазах ребёнка, поскольку сражался и вёл он себя, как взрослый. Отец рано разглядел в нем тягу к военному искусству и нанял воина, на счету которого было больше всех убитых на поле брани. Также в свободное время с мальчиком занимались командующие запада, оттачивая тактику и стратегию. Жестокость по отношению к братьям и окружающим делали из него безжалостного воина, что в последствии не понравилось отцу. Юстос часто напутствовал его, что движущей силой великого верумия была и всегда будет добродетель. Он говорил: «Настоящей силой обладает тот, кто способен сохранить чью-то жизнь, кто сделает из врага друга». Однако, сын пропускал эти слова мимо ушей и каждый раз дрался агрессивнее. Доходило до того, что он брал настоящий меч и гонялся за кошками и собаками. Но, из-за маленького роста и тяжести меча Форут опечаленный возвращался домой с пустыми руками и чистым мечом.

Сын стоял под ослепляющим солнцем, щурясь в поисках отца. На нем был мужской укороченный походный костюм серо-коричневого цвета. Но не было плаща, хотя в нем он зашел на корабль. Судя по всему, оставил мешающий элемент одежды в юте. Его приход значил одно – родственники и приближенные по обычаю Мурумала собрались у тела покойного для суточной молитвы, а Форут ускользнул оттуда. Юстос же, не верил в эти ритуалы и предпочитал оставаться верным обычаям своего народа.

Мальчик с прищуром от слепящего света оглядел палубу. Матросы занимались своими делами, готовые к внезапной команде капитана. Сам же Гордмин вёл беседу с боцманом, наклонившись над столом с картой. На ряях самый молодой моряк счищал помёт птиц, ловко перебирая ногами по гладкому стволу. На самой верхушке мачты дозорный во все глаза смотрел по сторонам в поисках опасности. Словом, каждый был при деле. Обыденное зрелище быстро наскучило, и довольно скоро Форут отыскал отца, твердым шагом приблизившись к нему.

Юстос прогнал остатки дурных воспоминаний и направил все своё внимание на сына. Тот был недоволен и искал того, кто его хоть немного отвлечет от утомительной поездки.

– Долго нам еще плыть? – поинтересовался Форут, встав повыше у борта и вглядываясь в глубину озера, к чему взор отца был прикован. Это было первое его путешествие на корабле, которое уже утратило для него всякий интерес.

– Ты же знаешь. – не отводя глаз от сына ответил Юстос. – Тебя обучали мореходству, но как вижу зря. Или нет? – хитрыми глазами он посмотрел на Форуа. – Ну-ка скажи, через какое время мы будем на месте, и где будет светило при швартовке? – отец сам мысленно посчитал и дождался ответа.

– Это должны знать капитан и боцман! Зачем мне эти знания?

– Они всегда пригодятся не только на воде но и в бескрайних песках Харрасса, или в смертельных объятиях севера. Так, что?

– Мы отплыли, когда светило было там, – он указал пальцем в сторону гюйса. – Мама говорила, что добралась до острова за двое суток... – он задумался.

– Не забывай о ветре и количестве парусов, – напутствовал отец.

– Ветер слабый, идем на всех парусах. Значит, нам плыть четыре светила. На пятое глубокой ночью прибудем. Луна будет прямо над нами, если ветер не изменится. – пришел к выводу Форут.

– Это судно быстроходнее, чем тот, на котором плавала мама. – вмешался старший сын – Фидеум.

Ему было семнадцать, но всем казалось, что больше в силу его дотошности в знаниях и рассуждений. Он увлекался познанием всего, до чего мог дотянуться. Подражая отцу в манерах, знаниях и одежде, он знал, казалось, больше Юстоса. Редчайшая фиолетовая туника, созданная специально на его семнадцатилетие в Харрасса, южном регнуме, была слегка велика и он частенько поправлял рукава. В остальном: узкие штаны, плащ с гербом из обычных разноцветных нитей и сапоги были, как и у Юстоса. Иногда верумий подумывал, что у Фидеума нет вкуса в сочетании цветов и материала.

Старший продолжал:

– Тогда, учитывая нашу скорость, мы будем там спустя четыре светила, и закат будет у нас за спиной. – он посмотрел на брата с чувством полной победы. Они всегда соперничали в спорах, но, когда дело доходило до драки – Форут побеждал. Фидеум посмотрел на отца, во взгляде которого читалось снисходительность к брату, и он нехотя добавил: – Если, конечно матрос не ошибся, и мы не движемся восемь с половиной узлов.

– Я уверен, мы движемся медленнее! – насупился Форут. Он был спокоен, но руки выдавали огромное желание ударить брата. Юстос уловил порыв злости и вмешался.

– Дети мои, разве вам нужен урок манер? Или вы забыли почему мы совершаем реунион? – он наклонился к сыновьям. – Верумий Мурумала, герой замка Ласпек, ваш дед и мой лучший друг отдал свою жизнь за наши жизни! – он выдержал паузу, затем добавил, опустив глаза: – Если бы я знал...

В это время из юта вышла молодая черноволосая девушка в походном платье цвета кроны тополя с озёрной жилеткой. В отличие от Юстоса, её удобные серые башмачки без каблука не натирали носок и пятку, отчего её наполняло чувство лёгкости. То была сердце и душа верумия – Спиранта, дочь покойного Дуктора. Её голос нежно обволакивал слух мужа, отчего пламя души разгоняло дурные мысли и печаль. Её карие глаза пронизывали насквозь горячее сердце и укрощало порыв ярости до его появления. Девушка была оплотом любви и очагом мира для Юстоса. Он не видел мир без неё.

Подле Спиранты шёл Долим – младший сын верумия. Одет он был по-простому – походная серая куртка с жёлтыми штанами. Маленькие сапоги, сшитые знакомым портным, прошли не одну сотню километров за один только год. Десятилетний мальчик весьма преданный своему любопытству, изучил все окрестности Мурумалаа и его пределы. Казалось, тонкие ноги через час ходьбы заставят сделать привал, но его выносливости завидовал даже Форут.

Пара приблизилась к Юстосу. Тот наконец оторвался от деревянного борта и тихо, почти шепотом, сказал ей:

– Я не достоин дара Дуктора. – взгляд скользнул вниз и остановился на канате, сложенном у борта.

Девушка подошла ближе и руками подняла его голову, полную смятения. В глазах читалась скорбь и отчаяние. Она же ни капли не сомневалась в нём.

– Лишь ты достоин! – твердо сказала она. – Ты рисковал жизнью за незнакомца, за чуждый тебе народ. Ты сохранил будущее не только моему отцу, но и всему Мурумалу. Не твоя вина, что ты не ведал цели его путешествия, но то был опыт, пусть и горестный, ценой великого для получения важного! – её руки нежно скользнули по его волосам. Юстос приобнял её за талию, воодушевлённый, но по-прежнему печальный и их уста слились в едином поцелуе. Спиранта уняла его тоску, а мужчина одарил её теплотой своей любви. Словно, лёд, брошенный в огонь.

– И как это было? – спросил Форут.

– Да, ты никогда не рассказывал нам о вашей встрече. Может сейчас самое время? – подключился Фидеум.

– Расскажи! – потребовал молчаливый Долим. Младший сын отличался от других тем, что набирался мудрости у матери, был любопытным и хитрым, но мало говорил. Кто-то считал

это скромностью, а кто-то великой мудростью. Он уже облазил весь корабль и не знал чем себя занять.

Юстос улыбнулся впервые с момента вести о гибели Дуктора и сел на бочонок. Остальные расположились рядом. С трудом вспоминая обрывки истории, все больше погружаясь в пучину воспоминаний и припоминая все больше деталей, он начал:

– Посреди степей, где мало растительности, наш народ стал жить по велению Троих. Когда на крепость Ласпек напали, женщины и дети уже были далеко за пределами западного регнума. Мужчины же храбро защищали наше достояние, но с чародеями никому не совладать. Крепость была захвачена. – он сделал паузу, пропуская самые тяжелые дни своего народа, и продолжил. – Мы выжили. За горами мы не ждали преследования, но вернуть крепость и отомстить было нашей целью. Однако, нужно было как-то победить Троих. Шли годы, пришел Карвас и Трое погибли. Но, не было ни радости, ни победных речей. Воинов осталось столь мало, что не удержали бы и деревню. Мы копили силы, пока наша армия не стала многотысячной. Только, юг тоже окреп. Южане заняли крепость и воздвигли королевство Эстин возле неё. Вот был наш шанс. Мы с легкостью могли прорвать оборону заставы и занять крепость, обороняясь, сколько было бы нужно от атаки врага. Но и здесь нас ждала неудача. Разведчики сообщили, что Эстин стал союзником Харрасса. Мало того, в южном государстве остался сын одного из Троих. Он тоже был чародеем. Мы не могли так рисковать и потерять не только армию, но и народ из-за гнева чародея.

– Ты говоришь о верумии Фейхране? – поинтересовался Фидеум.

– Да. Он был помехой. И, когда родители Дуктора погибли, а мне было чуть больше, чем Фидеуму, я встретил его – лучшего друга, которого не искал, но он сам меня нашел. Вместе с Реугом мы охотились, рыбачили в настоящем море и даже взбирались на вершину гор возрождения! Тогда они были горами отвергнутых...

– Так ты настоящий странник. – с улыбкой сказал Долим.

– И где сейчас твой друг? – спросил Форот.

– Всё по порядку. – Верумий оживился, вспоминая прежние дни беззаботности. – Как-то мы пришли в станицу вождей искать работу. Надоело искать себе пропитание. Один пьяный десятник с несколькими дружками весело проводили время и заметили нас. Они стали высмеивать наши наряды, ведь они были все испачканы из-за прошедшего ливня, и мы сцепились языками, а потом и руками. Изрядно мы попотели, но не уступили им – подготовленным воякам. Драка закончилась ничьей, так как наблюдавший за нами сотник нас разнял. Мы думали, что нас выгонят, но он взял к себе в отряд. Кутулл – так его звали, предложил нам службу под своим началом и сразу бы сделал нас десятниками. Мы согласились. Я любил свой отряд и желал ему только добра. Давал им отдохнуть, пищу сверх положенного, отпускал к семьям иногда. Друг же наоборот был жесток со своими. Он сделал из них головорезов. Всякий раз на мои слова о милости к ним, его ответ был одним: «Я закаливаю их для битвы! Не подобает им быть нежными и потерянными!». Вскоре их отряд покинул без разрешения стан и больше не возвращался. Моего сотника отправили вернуть Реуга для суда и казни. Но, он вернулся один израненный.

– Это была хитрая засада! Десять уничтожили несколько сотен. – Форот словно восхитился им в привычной ему манере. Он знал эту часть истории, чему удивились братья.

– Да, но их было больше. К их шайке примкнули десятки преступников и одиночек, бродящих по степям. Когда сотник погиб от ран, меня поставили на его место. Нам было неизвестно, где они прячутся, поэтому нас не посылали их уничтожить. Прошло пару лет. Меня сделали тысячником. Тогда я и узнал, что Реуг прорвал западную заставу с несколькими тысячами. Я очень удивился, что он собрал столько отребья. Непременно, он шел захватывать Ласпек. Иного ему не было нужно. Я знал его натуру, но он изменился. Предсказать, что будет

при нашей встрече, было невозможно. Темник – мой командир, владеющий десятками тысяч конников, приказал стереть эту заразу без суда с лица Пондера.

– Десять тысяч... – задумчиво произнес Долим. – Это все кентурии Мурумала!

– В городе воинов больше. Если взять еще рафилиев с заставы и лимесов Ласпека будет примерно двадцать пять тысяч. – посчитал Фидеум.

– Это сейчас, а тогда – меньше! – вставил слово Форут.

Вновь поднялся спор, отчего желание продолжать рассказ у отца пропало. Он наблюдал за сыновьями, приводящими доводы, словно они мудрые философы, схлестнувшиеся языками. Спиранта тоже видела в них будущих правителей и потому не мешала тренироваться в дипломатии.

Надвигался вечер. Моряки стали зажигать лампы. Юстос понял, что историю сегодня не закончит и поспешил отправить детей в ют.

– Завтра расскажу окончание. Сейчас всем спать!

– Так ты его убил? – поинтересовался Форут.

– Всё завтра. – Юстос встал и положил руку на плечо Долима. – Ничего не надумывайте без меня. – он улыбнулся и пошел к себе.

Ветер сменил свое направление, и судно сбавило ход. Матросы изменили положение парусов и вновь набрали скорость. На удивление ночь прошла спокойно, хотя моровое озеро славится своими штормами и, иногда, даже водоворотами. Немало кораблей покоится на глубине, скрывая свою печальную участь. Однако, торговые суда приспособились и к этому. Каждый груз прикреплялся к пустым бочкам прочными канатами. В случае кораблекрушения, достаточно было откинуть бортовые заслонки того борта, который возвышался, и весь груз был спасен. За судном выплывал корабль из порта, если он не явился вовремя, и подбирал людей и товары.

Наступило пасмурное утро. Суточная молитва закончилась, и каждый из родственников и приближенных отправился в общий ют для отдыха. Юстоса одолела лень. Он не желал вставать и одеваться с восходом светила. Однако, вовремя вспомнил мудрость предков: «Дав себе слабинку лёгкости не ощутишь. Напротив, тяжесть будет сильнее, а решимости меньше».

Открыв глаза, верумий, медленно откинув одеяло, встал и подошел к окну юта. Серость утра не смогла омрачить его ещё более. Лишь чайки, сопровождающие корабль в надежде на что-нибудь съестное, привлекали интерес наблюдавших за ними. Птицы так и норовили залететь в крохотное окно судового кока, но страх быть сваренными в котле превышал инстинкт. Утренний бриз снова наполнял паруса, и судно двигалось быстрее, чем ночью.

Юстос, зевнув пару раз, ловко закинул ведро на веревке через окно в воду и вытащил обратно. За ширмой он по привычке облился холодной водой с громким выдохом, от которого проснулась Спиранта. Сон окончательно отошел и даже согрел охладевшее за ночь тело. Пару мгновений спустя муж снова лег в кровать и прильнул к любимой. Его рука со всей возможной нежностью скользнула по ее талии, а губы по шее. Но, от холодной воды девушка лишь вздрогнула и отпрянула. Тогда он напористой прижал ее руки к постели и поцеловал. Спиранта, чей голос был ему музыкой для ушей, глубокие зеленые глаза, как два изумруда, в которых можно утонуть, засмеялась.

– Твоя борода колется. Мне щекотно. – она тактично и нежно, будто кошка высвободилась от объятий Юстоса. – Не сейчас. – уже серьезно сказала она.

Обнажённая она выпорхнула из кровати, представ перед голодными глазами мужа во всей красе. Он с наслаждением осматривал сорванный запретный плод, как в первый раз и мысленно уже вкушал его. После родов Форута, от её тонкой талии не осталось и следа, но Долим изменил это. Словно и не было тех долгих счастливых лет, прошедших от восхода до заката, что они были вместе. Вновь Спиранта стояла перед ним идеалом женской красоты, готовым

воспевать в одах, писать на холсте, или ваять скульптором. Она быстро накинула бельё, умылась и, с помощью мужа, оделась в прежнее зелёное платье.

– Вчера ты был особо молчаливым. – заметила девушка.

– Порой тяжелые события ранят сильнее меча, а воспоминания бередают эти раны. – задумчиво произнес он.

– Так может не оставлять царапины на других?

– Эти события – опыт для мудрых, урок для умных и интересная история для остальных.

– Пусть так. От знаний не скрыться. – уже задумалась она.

Завтрак прошел относительно спокойно, если не считать перепалки Форута и Фидеума. Один утверждал, что быстрее щуки в озере никого нет, а второй – что карп обгонит ее. Конфликт разгорался, пока не подошел капитан Гордмин.

– Надеюсь, у вас все в порядке. – с этой фразы он всегда обращался к верумию. – Если вы желаете, я разрешу спор. – Юстос кивнул ему головой, успевший устать от перепалки. – Есть нечто, которому нет равных и в воде, и на суше, и в воздухе. – произнёс он загадочно, обратившись к братьям. – Ещё моя бабка рассказывала о существах диких и непостоянных, способных менять обличье животных за несколько мгновений. Глядь, а на месте мирно умывающейся кошки вырастает полосатый тигр. Из пойманной форели появляется гигантский крокодил.

– Неужели и из кролика мог появиться медведь? – поинтересовался Форут.

– Агась.

– Вот это да! Можно было сразу убить медведя одним силком! И охота удалась!

– Если бы так просто было... Лишь в самом устрашающем обличии можно было такого завалить. Только представь кита, возникшего на палубе посреди озера. Попробуй его одолеть, когда корабль идёт на дно. – усмехнулся капитан.

– Так как от них избавились? – уже спросил Фидеум.

– Избавились? Нет. Договорились!

– Как? – вмешался Долим.

– У тех существ были братья. Умные братья. Их могущество дошло до отращивания любых конечностей и изменения частей тела в невиданную плоть. Да, только на том удивление не заканчивалось. Они принимали облик человека и гуляли среди нас.

– Человека? – переспросил Фидеум. – Много проблем они создали?

– Проблем? Нет! Они учились у нас. Хотели быть подобными нам. Только речь была слегка иная. Словно, слушаешь её из глубины бездны. Дух застывал от общения с ними. Но, они помогли отправить всех младших братьев в неизвестность, откуда они доселе не возвращаются.

– Вот это действительно интересно! – высказался Форут. – А не щука с карпом.

– Чем они питались, если каждый раз было новое тело? – спросил Фидеум.

– Где обитали? – перебил его Долим.

Однако, не суждено было получить им ответы, поскольку строгий взгляд верумия ясно дал понять, что знания эти ещё рано открывать. Капитан вспомнил, что у него есть дела и учтиво откланялся.

Трапеза закончилась, а родственники еще не просыпались. Вновь монотонность волн и ветра стали угнетать. Дети принялись донимать отца продолжением истории. Дел у верумия пока не намечалось, поэтому пришлось уступить. Снова все уселись на привычном месте, и Юстос продолжил:

– На чем я остановил рассказ?

– Ты оправился убивать своего друга. – напомнил ему Форут.

– В таком выражении звучит жестоко. Но, верно. Так и было. Мне выдали пять сотен конников к моим двум тысячам, и мы выдвинулись.

– Погоди, – перебил его Форот. – Если Ласпек был построен вашим народом и владели им вы, то почему нужно было Реуга останавливать? Нужно было ему помочь.

– Если бы все было так просто. – задумчиво произнес Юстос. – Вы хорошо знаете как крепость отняли у отвергнутых?

– Знаем. – ответил Фидеум. В его познаниях Юстос не сомневался, и, если он что-то утверждал, то знал об этом достаточно. Но, он решил напомнить братьям: – Трое чародеев обрушили на него невиданный пламень. Такой горячий, что даже костей не нашли.

– Вот именно! – не унимался Форот. —Почему, после смерти Троих, отвергнутые не отбили крепость себе?

– Потому, что образовался союз во главе с сыном одного из троих. – стал объяснять Юстос. – Как только бы мы напали на Ласпек, собралось бы огромное войско с государем юга во главе, и отвергнутых стерли с лица Темунда, как народ. Реуг натравил бы союз на нас, а сам бы затаился. Именно поэтому я шел его остановить. Его тактика нападения из засады была постоянной, а в купе с большим войском он мог воевать открыто.

– Так, пока Фейхран бы добрался до замка, войско запада было бы разбито. А один чародей не смог бы разрушить стены.

– Владыка юга могущественнее своих предков. Своей силой он мог осушать болота ещё в детском возрасте. Став старше, он воздвиг песчаную темницу для своих врагов посреди пустыни. Из неё до сих пор никто не сбежал. Возмужав, его силы были столь велики, что жизнь отбирал, лишь взглянув на врага.

– И как же Реуг взял неприступный Ласпек? – вернулся к теме Фидеум.

– Когда ты умеешь добыть и использовать знания о чем угодно – ты будешь могущественнее любого правителя, за исключением чародея. – ответил Юстос. Он осмотрелся. Матросы были далеко. Кто-то сидел на салинге и поправлял ванты фок-мачты. А иные – у штурвала получали указания капитана. Убедившись в отсутствии невольных слушателей, отец приблизился к сыновьям и шепотом сказал: – Открою вам тайну. О ней никто знать не должен. – для верности он посмотрел каждому в глаза и убедился в их честности. – В ту пору пламени и потерь в крепости никто не погиб. Все мужчины через потайной тоннель выбрались за пределы осады в хвойном лесу и скрылись в горах.

Наступило молчание. Такого исхода никто не ожидал. В глазах Форута читалось признание хитрости отвергнутых. У Фидеума – гениальность простоты, которую нужно было взять на вооружение. Первым откликнулся Форот:

– Так значит, Реуг знал о тоннеле и захватил Ласпек изнутри. – догадался он.

– Знал и захватил. – ответил отец. – Мы успешно миновали разрушенную заставу и помчали во весь опор к крепости через хвойный лес. Когда мы приближались, я заметил знамена Эстина и самого Дуктора. Он сражался с остатками своей армии против превосходящего по численности противника на плато Ласпека. Покрытая кровью секира казалось вынимала душу из каждого убитого. – дети неотрывно слушали про воинственного деда, открыв рты. – Доспех, несколько раз пробитый, но выполнявший свою задачу, был испачкан грязью. И она, словно скрепляла броню в уязвимых местах, закрывая прорехи от взора противника. Сам Дуктор был, как загнанный в угол зверь – уставший, яростный и негибемый. Вокруг него лишь десяток верных защитников, которых зажали над пропастью. Оставался лишь вопрос времени, когда они падут. Я разделил войско на две части. Первая заходила в тоннель и освобождала Ласпек. Вторая во главе со мной мчалась на плато. Мы успели. Благо, что большая часть шайки Реуга была уничтожена войском Эстина. Увидев нас, несколько десятков с плато сбежали в горы отвергнутых. Мы же, убедившись в отсутствии угрозы для Дуктора и его воинов, погнались за врагом. На тупиковой тропе в горах мы их настигли и уничтожили. Некоторых я знал лично по службе, а другие напоминали мне моих друзей. Не было ни праздных

речей, ни победных возгласов. Мы не проиграли, но и не выиграли. – Юстос снова бросил взгляд на то место, где лежал канат у борта, но не обнаружил его.

– Погоди, а с Реугом что? – вмешался Форут.

– Спустия шесть светил преследования мы нашли его израненного в пещере вместе с остатком отряда в горах. Дуктор совершил казнь, над моим другом, которую я не мог сделать сам. Позже состоялся величайший момент моей жизни – возрождение. За то время, пока мы преследовали беженцев, я поведал ему все, что знал о нападении, и ждал угроз и гнева. Однако, после моего рассказа, верумий дал выбор, который никому еще не предоставлялся – стать частью союза, как гражданин Эстина, или уйти с наградой, которая могла бы изменить жизнь отвергнутых. – Юстос улыбнулся и добавил: – А предложил он не мало...

– Камни? Лучшее оружие? Вступление в союз с Эстином? – наперебой кричали дети.

Отец успокоил их и ответил:

– Кстати, последнее не плохо, только Эстин бы вышел из союза с Харрасса и Винсемором. Дуктор был мудрым и предложил то, что нам действительно было необходимо – договор со всеми отвергнутыми о торговле с западом, но не больше. Торговля совершалась бы на заставе и большими партиями. Все находились бы на своей территории, кроме товара.

– Почему ты отказался? – спросил Фидеум. По нему было видно, что он бы поступил иначе. – Был бы самым богатым отвергнутым только за счет доли в продажах. Обеспечил бы свой народ.

– Я рассчитывал, что Дуктор меня приблизит к себе по службе, и я постараюсь сделать этот договор насущным, но он погиб. Теперь я на его месте и понимаю, что это очень сложно, даже втайне от союза. Когда я прибыл в Эстин, то долго был в недоумении. Огромный, чуждый город с толпами народа приветствовал меня, как своего верумия. В горах возрождения умер прежний я. В Эстине был новый. Еще долгое время мне было непривычно. Я получил хорошее место в войске регнума и свой дом. Остальные офицеры, даже ниже рангом, возвращались домой, с улыбкой здороваясь чуть ли не с каждым горожанином. Я же чурался таких встреч и ловил странные взгляды на себе. Я не просто чувствовал, а был чужим. – он снова поник духом, вспомнив моменты, которые опустил в рассказе.

– А, твое войско... – вмешался Форут. – Они все, как один пошли за тобой?

– Почти половина вернулась в стан с большим богатством. Они рассказали вождям о моем поступке, совершенно очевидно. Но, ответа не последовало. Да и меня там больше не было.

– Какое же наказание последовало бы за этим? – поинтересовался Фидеум.

– Наказание? Долг свой я исполнил. Награду принял. Отвергнутые – вольный народ. Мы сплавиваемся лишь для битв. В остальном – свобода. Правда, быть темником я бы уже не смог. Коли, воля Дуктора была бы меня вернуть – быть мне странником, либо осесть с семьей в долине.

– Одно решение... – задумался старший сын. – Ведь дед мог и отослать тебя. Тогда и нас бы не было!

– Были бы, да не у меня. По нашей вере, души вселяются не в любое тело. С другими лицами и в другой срок, но вы появились бы.

– А с мамой вы как познакомились? – сменил тему Долим. Он был сторонником прямоты и не любил долгие рассуждения.

– В свободное время я прогуливался по улицам Эстина, запоминая каждый дом, каждый закоулок. Эту прогулку считал познавательной и совершал ее перед каждым заходом светила. Однажды, судьба завела меня в закоулок, где сидели три офицера равного ранга со мной и один – старше. Они вели себя странно и смеялись просто так. Я не понимал их. Один начал оскорблять меня, хоть я и не давал повода. Когда же поступил мой ответ на издевку, другой попытался меня ударить, но я вовремя увернулся и попытался убежать. Я не хотел проблем

перед командиром и уж тем более, чтобы меня выгнали с позором. Эта честь была получена великой ценой, и я не хотел ее так легкомысленно потерять.

– Так Дуктор бы все понял! Он... – Форут встрял в речь отца, но Фидеум вмешался.

– Почему ты вечно перебиваешь? Спросишь потом. Мы слушаем и спрашиваем, когда для этого есть время.

– Потом я могу не вспомнить. А вопросы во время истории раскрывают детали, которые могут быть непонятны! – Форут стал переминаться с ноги на ногу, медленно теряя терпение.

– Прости. Я и забыл, что глупым нужно повторять и разъяснять очевидное!

– Извинения приняты от притворщиков, которые сами додумывают детали истории, зачастую неверно, а потом разочаровываются. – он насупился и сжал кулаки.

Юстос не успел вмешаться. Ссору погасила Спиранта, с несвойственным ей методом:

– Прекратите оба! Вы неподобающе себя ведете! Еще раз я услышу подобное – оба выместите гнев на чистке кормы! – она строго посмотрела на них, и сыновья притихли. Её сведенные от злости брови в сочетании с сильно сомкнутыми губами будоражили эмоции Юстоса каждый раз.

– Благодарю. – муж улыбнулся ей. – Не забывайте, и о вас запомнят только лучшее. Я не мог пользоваться доверием верумия. Кому он больше поверит: человеку, которого он знает недавно, или нескольким офицерам, прошедшим с ним долгую службу? – вопрос не требовал ответа, и он продолжил: – Поймите, что лучше победы может быть только отсутствие боя, когда ты сохранил жизнь и здоровье себе и другим. Я предпочел сбежать от проблемы, но она увязалась за мной. Переулками, свернув в дом лекаря, я внезапно впал в ступор. Передо мной стояла она. – Юстос посмотрел на Спиранту, щеки которой стали бледно-розовыми. – Мгновенно меня поразило в душу молния острых чувств, а сам я утонул в изумрудной пучине ее глаз. Все проблемы для меня отпали. Спустя мгновение, или прошло больше времени, замороженного меня ударило по голове дверью. И из прекрасного зеленого рая я упал в темную пропасть. Сознание вернулось уже на лежанке лекаря в окружении тех офицеров, стоящих смиренно бледных и испуганных.

– Прямо как Долим, когда взял фиолетовую краску для твоего плаща, Фид, ради своего рисунка, а мама его отчитала. – посмеялся Форут. Все подхватили его иронию, припомнив забавный случай.

– Да, я этот цвет ждала месяц. Пока его изготовили, пока из Харрасса прислали... Думала и не дождусь. – Спиранта хмыкнула с улыбкой и добавила: – А, пока папа лежал без сознания, эта свора подняла его грубо и хотела унести, но один заметил меня. Тотчас они также грубо бросили его, отдали приветствие и стояли, словно кол проглотили. Спустя некоторое время старший офицер придумал оправдание, сказав: «Этот человек выдавал тайны Эстина за заставу своему народу. Мы его поймали, когда он передавал сведения отвергнутому, и задержали. Но он пытался убежать». Надо ли говорить, какой разгром я им учудила? Ведь я знала его, а еще лучше знала этих вояк. От моего крика они вжались в стену. Лекарь тем временем положил на койку Юстоса, где тот и очнулся.

Глава семейства продолжил:

– Так мы и познакомились. Потом частые пиры Дуктора в замке и прогулки на лодке в гаване сблизили нас настолько, что мы рассказали верумию о предстоящем нашем соединении.

Спиранта подхватила:

– Он долго раздумывал, а я упрашивала. Дедушка думал, что Юстос отличный воин, но правителя из него нужно постараться будет сделать. Наконец, он сдался. Обряд прошел превосходно. Приехало много гостей союза. Если бы мама была жива, она бы гордилась бы папой, ведь все устраивал он от места проведения и до цветов на дальних кораблях гавани. – Спиранта принялась описывать торжество.

Детям становилось скучно, как и Юстосу. Но, он не подавал вида. Первым не выдержал Форут:

– Прошу меня извинить, но меня беспокоит вопрос. – он промолчал, чтобы не накалить обстановку еще сильнее.

– Что такое? – спросил Юстос. Средний сын ожидал лишь этого вопроса, или хотя бы чего-то похожего на него.

– Мы провожаем дедушку, но никто не знает как он погиб. Может, расскажешь? – он вопросительно посмотрел на отца.

Юстос ожидал любого вопроса, но не этого. Он надеялся как-то отстраниться от этой темы, но она его настигла. Верумий оглянулся на прислугу корабля. Они были далеко, правда, один находился прямо возле них, замеряя скорость.

– Матрос, как зовут? – тактично по-военному решил начать Юстос.

– Нерин, свет пути нашего. – поклонился он верумию.

– Прошу тебя, Нерин, замерь скорость с другого борта и ближе к середине. – он пристально посмотрел на моряка.

Нерин послушно повиновался и ушел. Отец вновь повернулся к детям, произнося почти шёпотом:

– Так вот. Пять светил назад один мой подчиненный шпион доложил, что войско отвергнутых идет на переговоры к заставе. И, если Мурумал с ними не договориться – быть битве. Дуктор взял гарнизон, оставив меня в городе, и отправился на переговоры. Пять суток мы ждали его возвращения, пока я лично не решил выехать к нему. Со мной были только возрожденные, около тысячи. Когда мы приблизились, то обнаружили привычную глазу заставу с лимесами внутри. Командир доложил, что верумия с войском не было, а со стороны запада все тихо. С отрядом мы вернулись на тракт к развилке у хвойного леса и двинулись на юг, в поисках следов. Нашли мы их у шепчущего перевала. Весь гарнизон свернул в него. Мы отправились за ним.

– Так ведь он проклят! – вмешался Форут. – Все, кто им идет – пропадают.

– Мой народ не суверен. Мы были наготове весь путь через него. Пройдя почти половину, мы наткнулись на Дуктора. Латы обуглены и разорваны множеством ударов, молот – разбит, а сам, словно из воды вылез, но жив. Я подошел к нему. Услышав шаги, он насторожился и схватился за кинжал. Хотя я и стоял рядом с ним, он меня не видел. Дуктор ослеп. – дети заморожено слушали и ловили каждое слово. – Он дергал головой в надежде отогнать темную пелену из глаз, но не вышло. Отряд оставался на месте, но в обороне, окружив тело. Я подошел, нагнулся к нему и тихо сказал, что это Юстос, что он в безопасности. Но, Дуктор будто не узнавал мой голос. Он размахивал кинжалом в попытках убить источник звука, постоянно повторяя «Не обманешь, наваждение! Я тебя достану!». Покой вернулся к нему, когда услышал то, что могли знать только мы с ним. Первое, что пришло в голову – наш разговор перед церемонией соединения. Я напомнил ему, как боялся выходить в толпу, ведь это не битва и не марш. Я сторонился незнакомцев, а он приободрил меня и соврал, что тоже раньше боялся быть в центре внимания, хотя я потом узнал, что он это еще как любил. На перевале лишь я один увидел, как он пустил слезу, вспомнив этот момент, и сказал: «Я выбрался!». Хрипы сдавливали его горло, но он успел сказать: «Уходи с перевала! Здесь лишь смерть! Мы услышали голос Спиранты... Она просила о помощи... Нас затащило в поток... – голос становился слабее с каждым словом. – Мы попали в мир, который трудно описать... мы не смогли понять ничего... и, от увиденного, наши глаза закрыла пелена... – изо рта стала выходить кровь. – После мы поняли... это был Их мир... мы видели лабиринт Ласпека... его основание... – его начинало трясти, и я дал ему воды. Он сделал пару глотков и продолжил: – Основание первой эры! – тряска нарастала. Дуктор взял меня за руку и привстал в последней попытке сказать: – Мир Карваса. – на этом он опустился и забвенно говорил странные слова. Они не были похожи

ни на одно известное. Я приказал погрузить его на носилки и срочно доставить в Мурумал. Однако, стоило нам покинуть перевал, верумий запада скончался. Я до сих пор не могу понять отчего: от воды, огня, удара о камни, или от живого существа... – Юстос замолчал.

Наступила тишина. Лишь волны разбивались о борта корабля, напоминая всем о цели их путешествия. Тишину нарушила дама, вышедшая из юта, в темном узорчатом платье. Она медленно подошла к семье верумия и обратилась к главе:

– Прошу меня простить, верумий Юстос Эстин, я знаю, что порядки вашего народа не признают реунион по покойным, однако дети и внуки, по обычаям Мурумала и их рода, должны попроситься с ушедшим так рано прежним верумием и всеми почитаемым Дуктором Эстином. – она сделала поклон и замерла в ожидании ответа. Дама являлась помощницей рода Эстин целых три поколения еще с младших лет. Она знала все обращения к каждому человеку рода, этикет прислуги, предпочтения каждого и многое другое, что делало ее незаменимой на своем месте. Помощницей она являлась преимущественно у сестры Дуктора, а также у ее дочери. Юстос понимал, что остальные родственники и приближенные уже просыпались, и принял решение:

– Дорогая Ауксилия, зовите меня просто Юстос, а мою дорогую Спиранту – по имени. Я не против, чтобы моя семья сказала последние слова, которые будут скрыты от чуждых ушей, своему дорогому деду и отцу. Я сам с ними пойду, если они не против, и скажу все, о чем не успел ему сказать. – Юстос посмотрел на Спиранту. Она одобрительно кивнула. Дама поклонилась, давая понять, что ждет следующей просьбы. – Можете заниматься своими делами. – отослал её верумий. Поклонившись, она удалилась. – Вы слышали. Идем. – верумий встал и направился вниз. Вслед за ним семейство спустилось в трюм.

В светлом от свечей помещении располагался из редкой породы дерева саркофаг, в котором почил навеки славный воин и великий правитель – Дуктор Эстин. Тело в доспехах и со сломанной секирой были засыпаны морской солью для замедления разложения. Рядом висели кадилницы с ароматными кусками смолы, тлеющими для отгона запаха.

Воспоминания снова нахлынули в голову Юстоса. Ему было трудно находиться рядом с телом павшего друга. Спиранта подошла к покойному, положила руку ему на грудь и сказала:

– В последние дни мы часто ссорились и не понимали друг друга. Прости меня за это. Пустые споры – лишь туман, застилающий любовь. Я навеки останусь твоим лучиком светила, что так отчаянно спешит на Темунд. – слезы скатились одна за другой по щекам и упали на пол. Юстос подошел, положил руку ей на плечо, а другую на запястье. Она развернулась и уткнулась ему в грудь, окончательно зарыдав. – Не могу видеть его таким. – шептала она сквозь плач.

– Как и я. – поддерживал её муж.

У детей ненароком тоже появилась печаль. Даже у Форуа, хотя он пытался ее скрыть. Он подошел к саркофагу, положил руку себе на грудь, сжав кулак, и сказал:

– Я обещаю, что отомщу за тебя, чего бы мне это ни стоило! – родители обернулись на него, быстро сменив горечь на удивление.

– Форут. – вырвалось у Спиранты.

– Мечь ужасна. – пытался отговорить его Юстос. – Она порождает саму себя с еще большей силой, неся боль и душевные страдания. Ты не излечишь муки внутри себя и не вернешь погибших. Ты сделаешь только хуже.

Форут, как обычно, пропустил это мимо ушей и добавил:

– Твоя память останется со мной. Пусть слава о тебе несется за материк и дальше. – Форут отошел от тела и опустил руку.

Недолго думая, Долим подошел к деду и положил на расколотый молот ветвь оливы. В силу своей немногословности он сказал:

– Ты показал всем нам что такое любовь к семье и народу. – он утер нос рукавом и отошел.

Фидеум не мог придумать, что сказать в такую минуту и замешкался. Но, слова бабушки Миры выручили. Когда он был немногим младше Долима, душа Эстина угасала от неизвестной болезни. Лекари пытались излечить ее, но лишь облегчали муки. В один из дней внук пришел к ней, и они разговорился. Беседа зашла в тупик, и Фидеум честно признался, что ему нечего сказать, хоть и хочется. Мира была мудрой и сказала: «Когда время слов проходит, приходит пора чувств. Не знаешь, что сказать – просто коснись человека и поймешь, что общение бывает настолько ничтожно по сравнению с ощущением теплоты и заботы».

Фидеум так и поступил. Он подошел к телу Дуктора, коснулся своей груди ладонью, закрыв глаза, и положил эту руку на грудь деду с чувством признания, или даже глубокого уважения в купе с любовью. После этого, он поклонился, прислонившись лбом к руке на одном дыхании. Все наблюдали за тем, что же он скажет. Однако, Фидеум не проронил ни слова. Он поцеловал Дуктора в лоб и отошел на прежнее место.

Пришел черед Юстоса. Спиранта понимала, что в его народе его бы осудили, и сказала:

– Если не хочешь, можешь... – она не успела закончить.

– Все в порядке. Мне есть, что сказать. – перебил он ее. – Только прошу оставить меня одного. – сказал Юстос, после чего поправил: – Нас наедине.

В знак одобрения девушка кивнула и поспешила увести детей за дверь. Когда семья покинула трюм, верумий медленно стал ходить вокруг гроба, пока не остановился, четко сформулировав свои слова:

– Зачем ты отправился туда? Я знаю, я подслушал ваш разговор с командующим Воззи. Эту дверь нужно было доверить Фейхрану. Он бы справился, наверное. Но, нет. Вы пошли на верную смерть. Ты оставил запад на меня. На того, кто только командовать может парой – тройкой тысяч, но не многотысячным народом! – он оперся о край гроба руками. – Я понимаю, то место смело бы Мурумал и остальные города союза. Уничтожив проход, ты спас нас, за что тебе все будут благодарны. Я буду вечно у тебя в долгу, но и не забуду, что ты пренебрег чародеем юга, что обошлось бы без жертв. Не мое это место, – чуть повысив голос, сказал он. – но, былого не вернешь. Прости за мои слова. У вас принято говорить о мертвых только хорошее, а у нас – правду. – Юстос еще немного постоял у саркофага, после чего поцеловал свою ладонь и прикоснулся ей ко лбу усопшего. – Спи спокойно, друг.

Верумий с тяжестью в сердце покинул трюм и отправился в ют. Мысли сожаления терзали его бrenную голову. Подслушанный разговор Дуктора и командующего прокручивался снова и снова. Тяжело упав на твёрдую кровать, он не заметил, как от качки уснул.

Разбудил его тихий, но уверенный скрип петель. Это Фидеум вошел, осторожно открыв дверь так, чтобы Юстос не проснулся сразу. Однако, давно несмазанное железо предательски скрипнуло, отчего верумий подскочил и схватился за ближайшее оружие, что попало под руку – табурет у края кровати. Увидев в последний момент ловко отскочившего в сторону сына, он бросил стул и протер глаза. Парень стоял, вопросительно смотря на него и, молча, требовал объяснений его действиям.

– Дурной сон. – лишь ответил отец. – Что такое?

– Мы подплываем. – доложил сын. По его голосу было ясно, что он не испугался. Фидеум, хоть и обучался больше искусству слова, нежели меча, но практика ближнего боя не прошла зря. Он прикрыл за собой дверь и направился на палубу, судя по возвышающимся шагам.

С укором своих поспешных действий верумий бросил табурет и умылся солёной водой из кадки. Ясность мысли вновь вернулась к нему. «Сегодня для тебя всё решится» – мысленно обратился он к Дуктору. Юстос привел себя в порядок и вышел на палубу. Как и сказал Фидеум, солнце заходило позади корабля. По всей палубе стояло много народу. Больше было приближенных: советников, лекарей, личная охрана и множество других. Родственников было меньше, около двадцати. Все они были дальними, за исключением сестры Дуктора, пожилой Никады Эстин.

Верумий чинно проходил мимо них к носу судна и отвечал на их поклоны неуверенными кивками. На полубаке его ждала Спиранта с детьми. Они смотрели вдаль, любясь конечной целью их путешествия. Юстос подошел к ним и посмотрел вперед, положив одну руку на талию девушке, а вторую – на плечо Долиму. В километре от них находился небольшой остров. Некоторые его называли «остров последнего пребывания», но большинство предпочитало опускать последние слова. По сути он являлся круглым каменным остовом с причалом, уже сделанным людьми после его «восхождения». Посреди него стояли каменные раскрытые саркофаги, плиты которых лежали разбитые и поросшие мхом. Небольшая растительность украшала его серость.

Судно неспешно пришвартовали. Фидеум напомнил Форуту, что он был прав по отношению солнца, на что последний ответил явным недовольством. Когда все было готово для перемещения гроба, пятеро сильных мужчин во главе с верумием взяли саркофаг с телом Дуктора и спустили его с корабля. Тем временем народ образовал коридор, по которому медленно несли усопшего. Только теперь у некоторых плач стал явным. Не в силах его скрывать перед последним созерцанием любимого правителя и родственника, они рыдали. Дуктора переложили в древнее каменное вместилище смерти вместе с разбитым молотом так, что ни одного осколка оружия не упало на холодный, мокрый камень. Лишь один раз в этом саркофаге жизнь появилась из смерти. Ныне же мертвые перемещаются в иные миры. Провожающие встали полукругом недалеко от тела. Один из приближенных подошел близко к мертвому и провозгласил:

– Дети Теранса, мы провожаем нашего любимого верумия в благословенные сады Магориэна. Сегодня решится, достоин ли Дуктор Эстин стать садовником, возвращая сынов и дочерей Темунда. Или же станет сам тем возвращенным более светлой душой. Однако, Магориэн всеведущий может и не принять нашего почитаемого героя... – понизив голос произнес он последние слова. Человек долго еще говорил, что входило в редкий ритуал.

Долим, еще не встречавший этого человека, спросил у отца:

– Кто это такой?

Отец не был удивлен, ведь подобный человек лишь один на весь Темунд.

– Это проводник. Он проводит души погибших великих людей через ледяную пустыню вечной скорби в сады Магориэна. Это все, что я знаю. – Юстос посмотрел на Спиранту, призывая ее к разъяснению.

– Проводник жизни в царстве смерти – это такой человек, наделенный даром мысленно связываться с душой и выводить ее к воротам садов. Такой дар лишь у него одного. И, когда он умирает, сила выходит из него в поисках нового носителя. Любой может им стать после ухода прежнего.

– То есть, остальные души, что погибли и умерли, не помещенные в саркофаг, остаются в ледяной пустыне навечно? – вмешался Форут с небольшим беспокойством.

– Даже они могут попасть туда спустя время, но только, если Магориэн позволит. «И будут они частью флоры, полезные саду» – так написано в книге сущего. Другие же останутся навеки скитаться и вмерзать в бескрайнюю ледяную пустошь. – Спиранта хорошо помнила святую книгу, написанную одним из вермертов, а также наставления предыдущего проводника.

– А как мы пойдем, куда он отправился? – не унимался Форут.

– Тело нужно поджечь. Если пламя не тронет Дуктора, а усопший развеется мелкими светлыми частицами по озеру – дедушка удостоится наивысшей чести быть садовником душ. Если пламя также не тронет тело, а усопший на глазах рассыплется в саркофаге – он будет частью флоры в садах. И будет Дуктор наслаждаться светилом, впитывая его теплые лучи, и питаться благодатной почвой, что вкуснее любой пищи Темунда. – Спиранта улыбнулась.

– Но, если пламя поглотит его? – вмешался в разговор Фидеум.

– Я верю, что дедушка был достойнейшим, и Магориэн заберет его в качестве садовника. – более серьезно сказала она.

– И все же... – однако, Фидеуму не суждено было узнать о том. Речь проводника закончилась, и он поджег факел, отдав его Юстосу. Верумий взял его в руку. Огонь плясал на дереве, показывая причудливые узоры.

– От жизни к смерти, от нового к старому, от начала к бесконечности. – возвестил проводник. – Мы отпускаем тебя в объятия судьбы, верумий Эстина ныне Мурумала, герой Ласпека и попечитель возрожденных, воин и заступник простого люда, дед и отец, а многим – друг, Дуктор Эстин, свет загробного пути нашего. – он слегка кивнул Юстосу.

Верумий поднял факел над головой и опустил его в саркофаг. Эти мгновения длились вечность для всех. Огонь сначала тронул слегка тело, но отступил. Потом снова тронул, но факел внезапно погас. Юстос убрал потухший пламень. Радость наполнила сердце. Все облегченно вздохнули и стали ждать – рассыплется ли тело, или развеется по озеру. Вдруг, тело само вспыхнуло синим пламенем, раскатившись по сторонам. Огонь столбом взмыл выше головы Юстоса, отчего тот отпрыгнул и покатился, пытаясь сбить пламя с лица. Спиранта закрыла собой детей и быстро увела их на безопасное расстояние. Весь народ отстранился и испуганно стал молить Магориэна об изменении решения.

– Не должно так быть! – громко провозгласил проводник.

Спустя несколько мгновений огонь потух. Верумий встал с камня спиной к народу и подошел к саркофагу. Он медленно с осторожностью посмотрел внутрь него. Тело исчезло, а камень не давал и признака тепла. Спиранта подбежала к Юстосу и повернула его голову к себе лицом. Она ожидала увидеть ожог, но глаза, нос, рот, даже брови с усами и бородой были нетронуты.

– Как? – удивленно спросила она.

– Не пламя. Холод! – выдержав паузу, ответил он.

Спиранта обняла его крепко, краем глаза увидев, как пустой саркофаг замерзает и покрывается толстым слоем льда.

Велибор Райс

Гром в ясном небе

Древозар – не просто стойкий и прекрасный город востока. Это самый молодой и подающий надежды регнум, претерпевший больше битв и потерь, чем запад. Первые поселенцы удивились богатству этого края как в разнообразии плодов деревьев и почвы, так и диковинным камням в горах. Тогда, первый князь провозгласил: «Се место отныне огласится всяким Гобинворг, ибо одарил нас всеми благами лесов и полей!». С тех пор от морового озера до выжженных степей, с юга ледяной пустоши и до южной реки – Выторжи – растянулась территория Боричей – живущих у леса посланников юга. Князья менялись, а люд возрастал. Регнум ширился и дошел до вод ириего океана.

Пришел день, когда на престол Гобинворга взошел первый из рода Райсов, чьим указом помимо укрепления поселения, была возведена Горняя Крепь – великая и устрашающая крепость не только для путников, но и для новобранцев, обучающихся в ней. Широкая известность настигла её, когда на смену старым наставникам пришли новые мастера боя. Именно тогда воины востока, или как называли они себя «дружина», прославились своим искусством владения всеми возможными видами оружия, что возвысило их почти над всеми мощными армиями Темунда. Чуть позже был поставлен порт для военных и для торговых судов, являющийся самым людным местом Гобинворга – Исад. Располагаясь западнее Древозара, он вмещал в себя одновременно дюжину двухпалубных военных парусников. Однако, в мирное время их расположили полукругом носом на запад, охраняя подступы к торговым кораблям, постоянно курсирующих на запад и юг.

На севере между моровым озером и некогда бывшим вулканом, в утробе которого пребывал Дэмер, стояла застава, такая же крепкая и большая, как у Мурумала. Однако, первых поселенцев больше заботило то, что и архитектура, и порода камня сходились с западной заставой. Путешественники искали и на юге подобную, но поиски не увенчались успехом. Знал ли о ней государь юга – неизвестно.

Раньше застава защищала Гобинворг от северных кланов, но все они вымерли, и север стал безлюдной ледяной пустошью, где не было ничего, кроме снега и смерти. Её каменные изгибы не позволяли крепко поставить осадные лестницы, а ровная кладка стерегла от скрытых убийц. Оплот востока множество раз разрушался в разных местах, что было видно по старым обтесанным блокам и новым, поставленным далеко не народом поселения. Туда посылали лишь тех, кто провинился перед великим князем, или регнумом. По истечении определенного срока, они возвращались на службу в Древозар. Однако, были и те, кто сам желал спокойного пребывания и мирной жизни на заставе. Такие проходили усиленную подготовку, зачастую жестокою и ужасною в Горней Крепи.

Сам же град располагался на возвышенности подле леса Ковалдис, служащим неким барьером перед огромными пустошами, давно выжженными чем-то, или кем-то задолго до Дэмера. В столице стоял чертог великого князя, опоясанный двумя деревянными стенами, меж которых были постройки поменьше – обиталища граждан. На внешних стенах стояла дружина, охраняющая покой мирных жителей от непрошенных гостей с востока. Вкруг стен росли поля и пасека, дающая обильный урожай как Гобинворгу, так и на лавки запада и юга.

Поздняя весна задержала посевные, и, как только наступили пригожие деньки, крестьяне стали усиленно облагораживать свои наделы. Множество коней распахивали почву, нетронутую в прошлый «Яр», как здесь говорили. Так некоторые участки отдыхали, насыщаясь солнцем и дождями, а другие усиленно подпитывали растения. Каждый был при деле, отчего времени на скуку и лень не оставалось.

Свет солнца разогнал мрак, что собирается каждый раз перед восходом, и вновь воссиял над славным градом и его окрестностями. Осветил высокий шпиль чертога великого князя и начал медленно сползать по нему вниз. Рабочие выходили из домов после сытного завтрака и отправлялись в поля. Раньше них, еще до зари, выбрались из жилищ охотники. Они не завтракали перед охотой, чтобы зверь не учуял их задолго до появления. Торговцы просыпались и того раньше. Отправляясь в порт, они нагружали лошадей и ишаков товаром, который продавали путникам из Мурумала и Харрасса. Дети помогали родителям в лавках и полях, а те, что помладше – играли на улицах без надзора родителей, ведь внутри града было безопасно, а вот за стенами...

Крохотный лучик пробился через закрытые ставни в комнату. Спрыгнув с потолка, по стенам он перебрался на кровать. Но и там он никого не обнаружил. Спустившись на пол, луч попал в заветную цель – в глаз, прикрытый тяжелым веком от бурной ночи. Веко усиленно зажмурилось сильнее, потом вся голова в попытке избавиться от надоедливой гостьи сдвинулась в сторону. Однако, поток света попал в другой глаз. Вот тут все тело от раздражения, издав глухой гул, привстало и уставилось на стену, прислонившись к кровати. Немного погодя, когда сознание частично прояснилось, мужчина встал и тут же упал обратно, в попытках пересилить головокружение. Со второй попытки ему удалось встать и даже найти одежду. Поправив свой скромный наряд из рубахи и холщовых штанов перед зеркалом, он быстро привел себя в порядок у чаши с водой и вышел в коридор. Еще слегка покачиваясь от прошлого ночного гуляния, он прошел до лестницы и оперся об перила, чтобы не упасть. Ужин так и просился наружу, но удержался и попросил прохладной воды.

От скрипа половиц послышалось движение в одной из комнат. Ее дверь приоткрылась, и из щелочки показалось детское лицо. Спустя мгновение, узнав человека на лестнице, дверь с грохотом распахнулась, и из нее вылетела девочка лет десяти и направилась к мужчине, размахивая деревянным мечом. Последний, не теряя времени, насколько быстро мог, побежал вниз по крутым ступеням. Ему удалось преодолеть два пролета. Однако, повернув голову в сторону преследователя, запнулся об свою же ногу и полетел животом на ковер. Только он поднял голову, как сверху ему на спину налетела девочка и стала лупить его по ногам мечом. Перевернувшись на спину, мужчина со смехом мягко снял с себя ретивого ребенка и встал. Отряхнувшись, он в недоумении, но с улыбкой спросил:

– Агнимира, сколь много злобы в сердце. Али я прогневал тебя?

– Обет дал: чудище принести! – топнув ногой, сказала она и приготовилась продолжить свой натиск.

– Сердце моё, придать огню его – наш долг. Иначе... – девочка не желала слушать его и замахнулась для удара, но отец перехватил меч у эфеса и забрал его.

– Так ты молвил пред Магориэном! – нахмурилась она. – Мирке и Явину также обет давала принести ветвь чудища, и вместе мы стотовим меч. Он будет сберегать нас от любого лиха что в озере, что в горах. Токмо, ты не сдержал слово. Ныне прокличут лстивой и не будут дружить. – она опустила голову и хлюпнула носом.

Мужчина встал на колени и положил руку девочке на плечо. Она дернулась, скинув руку.

– Душа моя, – уже серьезнее сказал он, – ведаешь ли всю беду от них? И, кто язык свой распустил про дела вчерашние?

– Мне Коул шепнул. Вы огню придали плоть, и ничего не осталось. А мне надобно лишь малую ветвь. – тихо и неуверенно сказала она.

– Твоя правда. Помню я, как молвил. Токмо хмельной я был и зря глотку драл. Молвил о запретном в уме туманном. – он задумался. Мысли с трудом пробивали заостренный разум. – Коли пред Магориэном молвил, так обет сдержу! Днесь плотник стотовит ветвь подобно деснице иль шуйце, а ты покажешь ее друзьям. – предложил он.

– Не так! Мне надобно часть чудища. Иначе не поверят. – не сдавалась девочка.

– Милая, не допущу я лесных и тлеющих за стены нашего светлого града. Даже их части здесь не быть! Ибо раны свои исцеляют за несколько мгновений. Мнится мне: из ветви за время возникнет целый лесной.

– Может, он будет не шибко зол. Своя горница и друг помогут нас полюбить?

– То не в наших силах. Не звери и не люди они. Ласку и опасность не замечают. Такие жаждут лишь одно – истребить нас. – Мужчина встал, подошел к ближайшей лавке и сел, предложив девочке присоединиться. – И к зверю, и к птице равнодушны. Их манят: изба, общение, наипаче – громкий шум.

– Отчего они таки? – девочка стала болтать ногами, что вызвало у мужчины головокружение и позыв опустошить желудок. Он быстро повернулся к ближайшему доспеху, что стоял напротив и сдержал порыв.

– Мнится мне, не способны чувства испытать. Некие думают, ими управляют. Лес гневается на нас за наше явление тут. То известно уж давно.

– Как лес может гневаться? Ибо он – просто деревья.

– Также, как и озеро, и море. По капле нет ничего лихого, но разыграйся буря во множестве капель – то уже беда.

– Значит, ветви не будет? – еще с надеждой спросила она.

– Ремесленнику просьбу передам: сготовить крепкую ветвь, а наш волхв ей силу даст от всяка лиха.

– Люблю тебя! – воскликнула Агнимира и обняла отца.

Вместе они встали и по коридору вошли в просторный зал, самый большой в чертоге великого князя – повалушу. Большой стол, стоявший полукругом, занимал почти все помещение. Здесь пир длился до того момента, пока гонец не принесет весть об очередном нападении. Тогда мужчины собирались и шли в гридню нести службу, а женщины провожали их, как в последний путь, ведь любой, даже опытный дружинник, мог погибнуть, что случалось редко. С приходом князя Велибора Райса поменялась стратегия ведения боя с врагом и жертв среди дружинников стало меньше. Из гридни же дружина отправлялась уничтожать врага, сменяясь с охмелевшими воинами. После удачного отражения атаки в повалуше собиралась сотня дружинников. Многие пировали. Иные же были увлечены играми и разговорами. Любой мог уйти домой к семье, но был обязан вернуться по звону колокола.

Мужчина с девочкой только вошли, как наступила гробовая тишина на пару мгновений. После чего, один из пирующих поднял кружку с пивом и возвестил:

– Да здравствует наш светлый князь Велибор! Да будет род его процветать!

Все хором повторили за ним. Велибор взял свой кубок, ожидавший его в руках воеводы Ратидара. Князь посмотрел на него, а потом на дочь, опустившую виновато голову. Воевода сразу смекнул, что девочка рассказала об их разговоре, и поклонился в пояс в знак извинения. Велибор ответил кивком головы с улыбкой, прощая старого друга, и повернулся к воинам.

– За храбрых дружинников, сразивших сразу двух тварей леса! За вас, отважные вои и за павших вчера! – он поднял кубок с вином, немного пролил на ковер по обычаю и осушил полностью. Остальные повторили за ним и крикнули:

– ХА! – вслед за этим музыканты продолжили игру, вновь поднялся гомон, а князь присоединился к трапезе. Дочь убежала в другую комнату к друзьям.

Велибор оторвал себе часть оленины и с вареными овощами, запивая вином, принялся вкушать ранние плоды юга. К нему подсел воевода. Вид у него был лучше, чем у князя, поскольку пировал редко и всегда высыпался.

– Не давай наказа, княже. Лишнего молвил в порыве охоты. Запомнил о твоём обете пред княжной. – обратился он.

– Будет тебе. Не ты виновен. То я горячный обещал ей, а после запомнил.

– Не держишь зла?

– Его и не было. – они положили свободные руки друг другу на плечи и с улыбкой кивнули. – А знамо тебе, что княжна мне устроила?

– Мм. – Ратидар свел брови, глотая березовый сок из кувшина.

– Предстал я пред ее очами лесным, а она принялась охаживать меня деревянным мечом по ногам.

– Бойкая же она.

– Аки медведь в зимоборе! Я собрался в Мурумал на совет союза в том яре. Она просила привезти ей мальчишескую тунуку для боя на мечех. А я после совета сразу обратно, даже не заглянув на купище. Так она пару лун устраивала мне ловушки. Многие я заприметил, токмо после стали помогать други поболее нее.

– Когда ты с лошади повалился?

– Точно! – засмеялся Велибор. – Они подрезали подпругу, и я угодил в овраг.

Хохот раздался в зале, тут же умолкнув среди прочего гомона. После каждый занялся едой, и на смену веселых историй пришла музыка. Зал редко омрачался дурными новостями, а потому уют и известная радость царили в этих стенах. Ратидар всегда был прямолинеен и нетерпелив, что сказывалось на его отчаянных битвах вперед дружины. Иной раз он первым добирался до лесного и разил куда достанет меч, за что часто выслушивал от друга его переживания.

– Чем позабавимся, Велибор? Может охота? Или, как давеча, на лесного? Ина забава не прельщает?

Князь положил обглоданную кость на поднос, запил все вином, вытер руки с губами и сказал:

– Созывай собрание. Хватит забав. Слышал, что издал последний лесной?

– Да как тут не расслышать? До сих пор не по себе. Я мигом.

Воевода встал и подошел к гонцу, что-то ему сказав. Велибор же решительно отправился в зал собраний, прокручивая в голове вчерашние воспоминания.

Спустя время, в комнате за закрытыми дверями со стражей, перед столом с большой картой восточных границ, с освещением солнечным потоком, бьющим из огромного круглого окна в потолок, собралось пятеро советников, четверо старейшин, трое воевод, двое меньших князей северного и южного уделов Гобинворга и великий князь. Без предисловий Велибор начал:

– Здровы будьте, вершашие. Без пустословия и метаний начинать будем. Кто первый?

– Тады, я молвлю. – сделав шаг вперед, сказал воевода Горней Крепи.

– Прошу. – с нетерпением ответил великий князь.

– Собран отряд для лиха лесного, коих велели вы стготовить в аккурат за две луны. Крепки, ловки и льстивы, окаянные! – засмеялся Любояр.

Высок, могуч и весел был тот молодец, что командовал крепостью северо-восточнее стольного града. Его черная короткая борода, не закрывающая и шеи, походила на обрубок лопаты, поскольку никому не доверял он ее коротить, кроме себя. Ясные карие глаза уж больно много повидали на своем пути, отчего взгляд выдавал свою тяжесть даже при искренней радости.

– Поведай всем о них, дабы тайна не покинула залу, аки и головы их. – Велибор кивнул в сторону советников.

– Непосильным трудом собрал я две с небольшим дюжины из числа ратников, дабы искоренить лихо, терзающее нас и наших предков. Секущие, аки один кулак о пяти перстов изгонят полуживое полумертвым натиском. – он поднял указательный палец для важности. – Один, аки отряд дружины сотрёт с наших глаз одного лесного. Двое, коли удача с ними будет, уничтожат заразу пепла. Всех снарядили крепким снаряжением и оружием. Они выступят по любому вашему велению.

Остальные переглянулись и не поверили своим ушам. Чтобы один мог одолеть лесного – этого не видел никто. Один раз пятнадцать дружинников накинудись на лесного, и лишь трое раненных спаслись бегством в разорванном панцире и без оружия. После этого великий князь Велибор посылал никак не меньше тридцати на одного.

– Светлый князь, – обратился к Велибору советник Ильгин, – что будет с теми ратниками, когда придут обратно?

Ильгин принадлежал к западному союзному обмену опытом. Благодаря ему во всех трех регнумах советники перенимали опыт трех владык и делились им с другими, дабы предотвращать угрозы еще не начавшиеся. Однако, с подобной ситуацией столкнулись впервые и опыт был лишь у Велибора с Буезаром. Задача Ильгина состояла скорее в записи, нежели в участии и предложении советов.

– Тогда надобно наипаче дюжины этих молодцов! – вмешался воевода заставы – Буезар.

Он был совершенно противоположным своему брату – Любояру. Бороду отращивал до груди, не коротя ее, но ухаживая с помощью мытницы и гребня. Голубые глаза всякий раз бегали из стороны в сторону, излучая любопытство в высшей мере. Смеху подвластен был с неохотой, лишь для князя, или в порыве забавы, от которой многие краснели.

– Еще сготовим! Буезар, наши дома под их защитой, покуда ведают свой подвиг! – успокоил его Велибор и посмотрел на советника, задавшего вопрос. – Молодцы войдут в Ковалдис и изничтожат корень всех напастей. Покуда справятся – искать им в выжженных степях пристанище тлеющих и искоренить их! Моя же вера в их возвращение слаба.

– А, коли отряд заплутает в путах лести и погибнет, иль хуже – вернется к нам уже без ясного ума под чье-то волей? – в порыве неопределенности спросил советник Гури – сын князя Радимира.

– Точно! Пошлем врагу подмогу, да и по силе равным же ему. То ж какая силища будет у него в преображении? Не мнится мне... – спросил советник Хавьяр.

Представляя свой род на собраниях, он всякий раз диву давался о деяниях масштабных. В бытность свою сыном купца мехами, что некогда был без медяка в кармане и в рванном мешке выпрашивал милость у ворот города, очень гордился отцом, как и Велибор, возведший его до хранителя казны. Хавьяр же перенял его уроки и с большим усердием пробился в советники. Его напор и грубость в купе с юным и слегка неказистым лицом вызывали сначала смех, но, встретившись с его кулаком, быстро меняли улыбку на уступки.

– Твой замысел, княже: собирать отряд за отрядом, дабы искоренить лесное зло? – перебил советник Земис, не молодой, но и не в годах прежний воевода Древозара.

– Дело благородное. Токмо, сколько животов надобно буди отдать?

– Твои опасения исповедуешь каждому в отряде, коли их имеешь. – спокойно и в то же время с угрозой сказал Велибор. – Каждый день, озаряемый светилом, мы чаем напасти. Люд, что кормится и кормит нас в лесу, пропадают. Тлеющие неведомы нам. Покуда наши дни не кончатся, будем чаять тех, кто не только лишил нас сынов и дочерей, но и будет брать еще? Хватит жить, теряя. Пора и быть! – он ударил кулаком по столу так, что стоящие там фигурки для обозначения подпрыгнули и попадали. Он посмотрел на лица советников. Те были согласны с ним. Велибор подошел к старейшинам и продолжил: – Всеобщие опасения разделяю. Потому и надобен совет мудрейших...

Старцы сидели на большой лавке и, казалось, вообще не принимали участия в собрании. Ни один из них не шевелился. С каменным лицом они смотрели вперед и молчали. Наступила тишина. Все ждали ответа. И не важно, сколько это займёт криков петухов. Спустя продолжительное время, один из них промолвил:

– На смену яви навь приходит присно. – усталым и хриплым голосом проговорил один из них. – На смену нави – явь. Надобны нам молодцы, что усмирят лесной отряд.

– Вполне. – сказал великий князь и повернулся к воеводе Горней Крепи. – Любая, сколько долго их готовить надобно?

– Думается, за две луны их сготовим. – с трудом ответил он. – Ныне известны подготовка и уловки.

– Есть лишь одна, и три светила. Как травень станет буйствовать цветами, так ратники твои в зеленый лес войдут. Отряд, нас ожидающий, на подвиги отправится немедленно. И, коли советник не ошибся, – он с прищуром посмотрел на того, кто стоял в углу и молчал, – дружинники вернутся в аккурат ко встрече. А, коли с вестями славы – ждет добрая награда. Поделится искусством боя и вновь отправятся на поиски недруга.

Воевода задумчиво кивнул и отошел назад, давая выступить другому. По его глазам было видно, что с решением он не согласен. Князь запомнил это и решил выступить сам.

– Давеча размышлял о прошлой битве с лесными. Помнится, один молвил нечто, когда чья-то рука прекратила его стон. Любая сеча провозглашалась и полнилась нашими голосами. Теперь они нарушили молчание. Весьма ясно молвил один не то «Ставь», не то «Правь». Кто-то слышал «Навь». Смутно глас его коснулся уха в гомоне других голосов и ударов топоров. Неспроста всё это. Думается мне: вскоре молвить будем!

– Что ж они учат голос наш? – с опаской спросил воевода горной крепости.

– Или уже ведают, токмо издать не в силах. – мрачно самый старый советник Мигуин

Мигуин – наиболее опытный и старший советник из всех присутствовавших. Прибыв из Харрасса еще в детстве в Гобинворг и показав себя в боях с лесными достойным образом, получил расположение Тишина Райса, и долго взбирался по ступеням к заветной мечте – стать советником при князе Тишине. Однако, со смертью отца Велибора исполнить замысел передумал и хотел убыть обратно на юг. Велибор смог переубедить его и возвел в звание советника при условии, что тот всеми силами постарается уберечь Древозар от разрушения. Уговор был выполнен, и Мигуин перенял задумку зодчего заставы, воплотив укрепления ворот каменными блоками. Несколько улучшений позволили расширить обзорные посты, за счет чего врага замечали за час до его приближения к стольному граду.

– Может они передают весть другим о каждой гибели в сече... – предположил Буезар.

– Та тварь леса шибко могуча была. – князь прошелся вокруг стола. – Положила двух дружинников. Их сейчас оплакивают и готовят к погребению. Да примет Магориэн их души! Коли они научатся – можно и молвить. – с задумчивостью он остановился у своего места.

– Так, мы словили одного три луны назад. – вмешался Ратидар.

– Нет его паче на лице Пондера. Умельцы, да мудрецы за ним надзирали, учили повадки. Токмо он лишь грыз клеть и пытался схватить любого, кто приблизится. То дело пропащее. Намедни сожгли. Будет ему. Продолжим. – Велибор смотрел на собравшихся, ожидая ясной мысли в голове хоть у кого-то.

Следующим выступил князь южного края Гобинворга – Даромир:

– Великий князь, братья. Не принял персть чужих семян. Все с запада и с юга пропало. Лишь несколько взошли, но слабо. Указ твой княже не исполнен.

– Что ж. Печально то слышать. Хотели яства чужие вкушать когда хотим, да природа не дала. Видимо чаяли паче возможного. Советник Деул, да примет его Магориэн, молвил так: без пользы та затея, потому я паче не надеялся. Не беда. Своих семян мы вдвое возрастим и рядить союзу будем. Мы собрали великий урожай. За яр не осилить в пищу всецело. Запасы надобно продать регнумама, а самим засеять новый, пуше прежнего.

– Великий князь, без надобности наш урожай в Мурумале и Харрасса. Сами продают и по малой цене. Видимо, не только нам Пондер дал богатство.

– Велено тебе: пустить в торг полму точно! – разгорячился Велибор.

– Постой княже, не стоит бежать быстрее кобылы. – обратился второй старец. – Негоже хлеб свой чужакам показывать, коли сам вкушать его будешь.

– Что вы мните, мудрейшие? – спросил он с неохотой.

– Аки белка, не надобно пред зимой запастись, а по весне терять. Аки муравей малый, держи при себе то, что пригодится надолго.

– Мне оставить запасы у себя и не пускать в союз? Зачем? Поля еще вяще даруют. – Велибор усмехнулся.

– Забирая много воды из колодца, вскоре ее не сыщешь. Надобно время для ее появления. А до тех пор жажду утолить сможешь лишь остатками прежними.

– Постичь не в силах я вас.

– Поле, дающее много – жди засуху, иль морозы. Весь урожай гибнуть будет несколько лет.

– Эка беда. – Велибор потер свою густую бороду, достигающую до основания шеи. – Коли так, то – сохранить урожай до последнего зерна! Дабы долго нам не алкать – удобрить поля и засеять на новые места! Есть мысли, как нам справиться с этим?

Все задумались. Было видно, что эта мысль была первостепенной, ведь от голода нужно спастись всем и сейчас.

– Сготовим солонину и завялим мясо. – нашелся советник Ильгин.

– Плоды засушим. От засухи, глядишь, не погибнут. – сказал князь Даромир.

– Можно заквасить в дубовых бочках и опустить в персть Пондера. – заявил воевода заставы.

– Подле равнины Крейны на Сытедаре есть необжитые поля.– подсказал князь Даромир. – Пусть не близко, но персть богатый.

– Так и быть! Вам, князь Даромир, предстоит этим заняться. – Велибор взял со стола кубок с вином и сделал пару глотков. Насладившись вкусом, он продолжил: – Ныне ваше слово, советник Хавьяр. Как идет обмен товарами и ремеслами? – великий князь хитро прищурился.

Советник понял, что он знает об обстановке и не стал скрывать:

– Что уж тут таить? – потупил взор Хавьяр. – Товары плохо продаются, наипаче – меха, лен, железо и... золото.

– Золото? – удивился Велибор. Он об этом не знал. – Монетный двор Харрасса нашел себе иной приток драгоценных металлов?

– Великий князь, не сочти за дерзость. Разреши молвить. – вмешался тайный советник.

– Яви свою мудрость, Ведагор. – приказал Велибор.

– Дошли слухи, что в горах возрождения помимо заставы стояли шахты давно покинутые. Али отвергнутые, али северные кланы, добывали там железо, и нашли золотые жилы. Тогда и начали творить монеты из самого редкого металла. Прииски бросили по неведомой причине, а недавно снова открыли.

Ведагор, как и положено советнику тайн, был ничем не приметен, без растительности ниже носа, но с косматыми волосами, достигавших плеч. Он ведал то, о чем некоторые правители и предполагать не могли, а иной раз и недолго владел знаниями о южном государе. В собраниях участвовал редко, поскольку часто был в отлучке в регнумах союза.

– Когда открыли? – с гневом спросил Велибор. Он понимал, что без поставок золота им придется очень туго.

– Три яра как их отремонтировали, а яр – уж добыча одной шахты принесла ресурсов вполому от наших. Там цепь тоннелей и входов великое множество. Используют лишь три шахты, и то неглубоко от горного места. Боязно им спускаться глубже. Люди плутают и пропадают. – он размял шею, словно давая знать, что побывал там и чудом вышел на поверхность.

– Эка напасть... – великий князь стал в раздумьях бродить вокруг стола, нервно поглаживая бороду. Внезапно он остановился, лицо прояснилось. Решение пришло. Но, также внезапно его перебили:

– Теряя добычу, хищник... – начал третий старец. Но, его в ответ перебил Велибор.
– Тихо! – он стоял, будто прислушивался к тишине. Мысль ускользала от него, как кусок льда из рук. Еще пара мгновений и Велибор ее упустил. – Пропал. – тихо сказал он.

– Что пропало? – поинтересовался воевода Древозара.

– Пропал ответ, пришедший шибко скоро. – глава совета повернулся к старцам. – Более, мудрейшие, не стоит голосить, когда другие думают. – В ответ старейшины поклонились. – Коли ответ ушел, станем искать другой. Что молвить вы хотели? – Велибор оперся руками о стол.

– Любой хищник, теряя добычу, ищет другую. Надобно отпустить потерянное и насытиться иным.

– Коли право постиг ваши мысли, надобно остановить добычу золота и усилить добычу того, что ценится везде. – великий князь пристально посмотрел на старцев.

– Не так, княже. Добычу металла не останавливай, но не вывози его отсюда. Надобно тебе продавать товары, коих нет в регнумах союза. – разъяснил ему старейшина.

– Воля ваша. Аки кроты алчные, рыть продолжим, покуда всю жилу не достанем! Тебе, князь Даромир великое дело: создать монетный двор в своём уделе, но скрытно от обычных глаз. Умельцы, коли не глупы, язык завяжут в узел, или лично завяжу! На оборотах круглого металла – наш герб сияющий отметьте – меч, срезающий колосья. Вопрос любой направьте казначею и следящему за прииском красных гор. – руки Велибора отпрянули от стола, а глаза перепрыгнули с князя в другой конец зала. – На вас же, советник Даромысл, ляжет задача: вывезти из града товары, которые есть лишь у нас, не в ущерб люду Древозара. Особо железо, токмо не ново; наши повозки, лишь грузовые; инструменты и услуги наших ремесленников, но не на велик срок. – Велибор задумался. – Коли мысль светлая придет – подыщите товары и незамедлительно на купише, да в пользование властителем и их помощникам!

– Буди исполнено! – князь Даромир и советник Даромысл поклонились и переглянулись.

– И, последний! Советник Ведагор. Ты уже доложил о делах на западе. Поведай же, что нам надобно думать о наших границах.

– Как вы уже знаете, изменения велики. Верумий Мурумала погиб при неведомых делах. Токмо все утверждают, якобы на шепчущем перевале на них напали разбойники, иль отвергнутые. Всяк свое молвит. Занял его место пресловущий Юостос, спаситель Эстина, из рода мне неизвестного. Стал он Эстином, но главой рода является уже семнадцать зим старший сын – Фидеум Эстин.

– Знаком мне этот отрок. Что до остальных детей? – поинтересовался Велибор.

– Средний сын шестнадцати зим – Форут Эстин. Воинственный мальый. Скорости и силе позавидуют многие вои. Правда, уступает в разуме двум своим братьям. За любую лесть берется, и, после, охаживает искusstителя.

– Интересно. Что же с младшим?

– Долим Эстин. Отрок, яко не вяще княжны. Шибко любознательный, токмо замкнут в себе. Тих, но разумен для своих лет. Держится матери, она его и обучает.

– Полно, полно. – тихо проговорил Велибор, задумавшись. Его мысли были лишь о том, как этим можно было воспользоваться. С Фидеумом они познакомились, когда Дуктор пригласил глав союза на рождение третьего сына. Форут был тогда в замке Ласпек с Юостосом, поэтому они и не познакомились. – Добро. – наконец сказал он, ничего пока не выгадав. – Чем ещё живёт союз?

– В южном государстве, правит сын Фейхрана – Химсин, покуда отец пребывает в неизвестном месте. Приходят письма о его нахождении в разных местах Темунда в один и тот же час. Днесь пришло сообщение о его присутствии у северных людей.

– Правда? – удивился великий князь. – Северным людям есть до него дело? – Советник Ведагор кивнул. – Что-то неладное твориться там. Продолжай.

– Пойдите! С вашего позволения, я хочу спросить. – вмешался воевода заставы.

– Что у тебя?

– С каких пор лазутчики этого... – он подбирает мягкие слова для Ведагора, – советника следят за моим делом? – взъерошился воевода. – Сиречь, вы мне не доверяете? – спросил он у Велибора.

– Твоим делом? – разозлился Велибор. – Покуда я на престоле, весь Гобинвоорг – моя родина и оберегаемый край! По моей воле его лазутчики присутствует везде и перемещаются постоянно. Они и раньше были на заставе, токмо ты их не примечал.

– Прости меня, княже. Коли, то твоя была воля – я подчинюсь. – он отошел к стене.

– Продолжай, Ведагор!

– И последняя весть: на западе в степях отвергнутых приметили шевеления. Множество людей прибыли в стан вождей, и всяк просит совета. Они вовсе не вои. Скорее пахари да охотники, но сражаются не хуже лимесов с западной заставы. Коли они нападут – регнум не устоит. Мурумал падет без войска, потерянного при нападении яростного отвергнутого Реуга на Ласпек. Харрасса не успеет на помощь, а мы – и подавно.

– Ибо, то было так давно. Я тогда взошел на престол. Неужто они не вернули свою численность? – недоумевал Велибор.

– Не даровал Магориэн им великий род отроков, аки нам. По подсчетам наших доносчиков, сверяясь с пересчетом населения, в Мурумале на десять девочек три мальчика. Почти все войско было уничтожено в битве при Ласпекке. Вернулось меньше сотни. Егда пришла помощь, почти все силы ушли в форт. Правда и прежние отвергнутые, ставшие возрожденными, остались верными мечу. Токмо ни один из них не согласился защищать запад от своего же некогда народа. Прежний верумий, Дуктор Эстин, взял с собой отряд из двух дюжин воев. Все погибли на перевале. Сейчас их войско в форте, на заставе и в граде насчитывает чуть вяще семи тысяч воев. Против полмы с лишним сотни тысяч отвергнутых, что скопились в стане вождей. Да, они не вои, но семеро на одного – надежды нет. – Ведагор развел руками.

Внезапно, посреди комнаты сгустился белый дым овальной формы чуть выше человека. Те, кто стоял рядом отпрянули от исходившего от него холода. Князь не шевельнулся. Спустя мгновение, как молния, из завесы вылетел человек в светло-синей сутане с небольшой седой бородой, едва касавшейся его кадыка, и со спокойными серыми глазами. Он молча опустился на каменный пол и мановением руки закрыл за собой «дверь». С угрюмым видом человек осмотрел комнату и нашел великого князя Велибора Райса.

– Дела важнее и обильней предчувствуют свою кончину! Направь на них свой взор скорее, покуда изменить их можешь! – на прочих не ровнясь, мужчина не прибегал к церемониям и не признавал ничьей власти над собой, за исключением создателя всего сущего.

– Ну вот и наш волхв сподобился явиться. Совсем немного задержался пред советом. – невозмутимо сказал Велибор.

Кто хоть раз видел, или общался с чародеями, знает об их изменчивой натуре. Они всегда ищут свою выгоду и могут ласково с тобой общаться, а могут безнаказанно изменить твою форму болезненными способами. Единственное, что им не дозволено по договору печатей – убивать людей, или оставлять их в обращенном состоянии более пути одного светила. Обычные люди сторонились их, а властители, хоть и недолюбливали, но заключили с ними договор, скрепленный пятью печатями: Дуктора Эстина, его красно-зеленого чародея, Велибора Райса, его светло-синего чародея и родоначальника союза – Фейхрана Фаранха. Чародеи не носили имен, предпочитая оставаться защищенными от могущественных сил, способных с помощью имен разорвать связь чародеев с Кун-сио и лишить их жизни.

– Что сподвигло направиться туда, где ждут тебя уж четвертую луну? Ты явился, как я полагаю, с севера? – спросил Велибор.

– Я молвлю лишь для тебя! – громогласно возвестил старик.

Оба пристально смотрели, не моргая друг на друга, пока великий князь не выдержал.

– Некогда нас связали обетом, только добра от тебя никто не видит. Являешься с дурными вестями и с ними же испаряешься. Коли твоя весть не имеет должного интереса, государь южный найдет тебе вяще достойную работу. Совет окончен. – он не сводил глаз со светло-синей сутаны. – Покиньте зал!

Старейшины встали, поклонились в пояс вместе с остальными, и вышли из полусумрачной комнаты. Велибор остался наедине с чародеем.

– Вот мы и одни. Что за дело?

– Привычные нам други свой облик изменили скоро. Отныне кличут «ледяными». Те твари наш барьер смести готовы. Их не берет ни сталь, ни чары боевые. – чародеи были прямолинейны и очень не любили подробности. Они сжимали вести насколько могли и преподносили ее слушателю.

– Постой немного! Что за твари? В каком они обличье? – не понимал, или не хотел понимать Велибор, ведь донесение было бредовым.

Абсолютно любой знал: от рук чародея погибнет все, что угодно. Даже великий и могучий Дэмер был пленен чародеями.

– То – братья меньшие взроптали. Уклад наш не по нраву им. Но, меж собой их лад возвышен. Все рвутся напролом, и силы, как числа, им нет конца! – не отрывая взора сказал светло-синий.

– Ты убедить меня желаешь в своем бессилии и немощи стражей? Или же иное толкуешь? – вопрос для чародея не требовал ответа, что Велибор и предполагал. – Неужто прорван наш барьер и эти «твари» ринулись на нас? – спросил обеспокоенный князь.

– Не так, но вскоре будет! Застава держит свой рубеж.

– Она цела, что радует уже. – Велибор не верил своим ушам. – Что за чудо их удержало, коли ты не в силах? – нервно поинтересовался он.

– То – влага озера и древо леса. Еще свой ум я не направил в эту глубину.

– Так, застава – сплошь камень и железо. Иль их благословение защиту нам даёт изда-лека?

– Мне думается, лед и сырость, что пропитали стены эти, и паче – все удобства быта. Все то – добыто озером и лесом.

– Поможет то нам в борьбе с напастью. Покуда верна мысль не придёт «как их прогнать» – укрепим стены, стражей преумножим... – князь осекся, вспомнив, что создания флоры и пепла могут прийти в любой момент к стенам стольного града.

– Спешу к защитникам скорее, покуда дух их не упал!

Велибор задумался. Нужно было безотлагательно присутствовать при отправке отряда в лес, поддержав их дух, и сказать напутствующую речь. Однако, это дело было не менее важным.

– Решено. Отправляемся немедленно. Возьму часть заступающих в дозор, остальных распределю усиленно.

– Постой! – наконец отвел серые глаза старец. Он уставился на западную стену, а затем на карту посреди комнаты. Когда задумчивость и поиск чего-то закончились, мужчина вновь пристально посмотрел в глаза Велибору. – Спешит к тебе знакомый незнакомец. Радужно примешь его утром, а после – на север пустишься вдогонку. Я буду чаять тебя там. «Мы» будем. – поправил себя старик и растаял в воздухе.

– Но я... – не успел даже закончить мысль великий князь, как остался в одиночестве. – Ратидар! – крикнул он.

Тот не заставил себя долго ждать и явился очень быстро, поскольку ожидал в коридоре.

– Да, Эд. – лишь наедине он так называл своего старого друга.

– Готовь чертог для незваного гостя. – князь был серьезен. – Ратников лесных сбри в горней крепі до моего прибытия. Следующей ночью они отправляются в лес. Пущай отдохнут. – воевода кивнул. – И отправь вестъ Химсину от моего имени, что Мурумал в возможной опасности. Опиши, что слышал на совете, и призови выдвинуть войско к их заставе, ибо от нас не сможет явиться ни один дружинник. Мы сами в возможной осаде. – Велибор взял с подноса кувшин с вином и, часто глотая, осушил его остаток.

– Что же нас ждет, Эд? – настороженно поинтересовался воевода.

Князь поставил кувшин обратно, повернулся к другу и сказал, усмехнувшись:

– Очередная битва.

Колонс

Познание вековечного пробуждения

Снежные равнины не уступали в суровости своему восточному сопернику – ледяной пустоши. Однако, ветра пустоши любому путешественнику могли показаться намного студеной равнинам. В безветренную же погоду, когда светило не мешало ни одно облако, лед восточного севера отражал свет, и казалось, что идешь по знойной пустыне.

До прихода Дэмера на севере обитали племена, жившие рыболовлей, охотой и набегами на южных соседей. Все они жили в мире между собой, разделяя тяготы существования на снежных равнинах. В ледяную пустошь же ходили самые отчаянные. Они пересекали восточный север в целях пожить в местах, где никто из людей еще не бывал. Одним сопутствовала удача, и они находили путь домой с бесплодных краев, другие же терялись в бесконечных вьюгах и замерзали.

Много лет ушло с тех пор. Поговаривают, что остатки племен ушли западнее к дуальному морю, воды которого в зимнюю пору наполовину разделяли его слоем льда. Другие же твердили, что северные племена нашли пристанище в ледяных пустошах и воздвигли себе дворец изо льда. Мало кого теперь волновал этот народ, откуда нет беды от него, как и вестей.

Теперь весь север был окутан пеленой тайны, скрывающей его ото всех. Любому, кто видел снег лишь зимой, не хотелось согнуться в морозных объятиях, а кто вообще не видел – даже мысль о прогулке за заставу считалась помутнением разума.

Бескрайние просторы с нескончаемым снегом, холодом и смертью тонули под властью ветра. Белый покров вечной зимы поднимался в воздух, кружась, сталкиваясь и перемешиваясь в причудливом танце хаоса, после чего опускался далеко за километры, создавая подобие песчаных барханов пустыни.

Порыв ветра в очередной раз легко поднял кучку снега и отправил в далекое путешествие. Никто не в силах был предсказать то место, куда он принесет свою ношу. Никому это и не было нужно, поскольку вся природа построена на хаосе, из которого формируется порядок. Весь полет потоки ветров передавали друг другу снежные хлопья. Огромное расстояние проделали эти крупницы, пока порывы не ослабли и не отпустили их во власть случайному падению вперемешку с такими же невольными путниками воздуха.

Несколько особенно крупных хлопьев упали на холодное лицо. Глаза открылись. На ровном белоснежном полотне возвышалась единственная округлая форма темного цвета. Болотные глаза смотрели ровно вверх. Несколько мгновений спустя они забежали в разные стороны в попытке познать окружающий мир. Затем двинулась и сама голова. Оглядевшись, человек понял, что по горло закопан в сугроб. Вокруг пустота и легкий снегопад.

В попытке выбраться, он дернул рукой, и усланный слоями снег взорвался от легкого движения. То же произошло и со второй рукой. С удивлением погребенный оглядел свои руки. Вид у них был вполне обычный, хоть оттенок кожи и имел сероватость. На них отсутствовали ссадины и царапины от толстого льда в прослойке снега.

Наконец, с небольшим усилием он вылез наружу и обнаружил, что на нем не было одежды за исключением набедренной повязки, видимо когда-то бывшей частью ткани. Но не это удивило его. Холод не касался его. Ощущения зябкости или прохлады отсутствовали. Первое заключение было: «Я умер!». Неимение дыхания и ударов сердца лишь подтвердили его домыслы.

Мужчина заглянул в яму, из которой вылез и увидел в ней что-то блестящее. «Видимо что-то важное, раз я был неразлучен с этим» – сделал вывод он. Нырнув туда с головой и сокрушая толстые слои снега, наружу показался пояс с ножнами, в которых были вложены пара сабель и кинжал. Оружие было узорчатым из многослойного металла. Кинжал же, украшен-

ный серебряной полосой вдоль кромки и несколькими темно-синими камнями выше, носил на золоченой рукояти дарственную надпись: «Моему единственному и несравненному другу – Сайену!».

«Раз этот кинжал у меня, наверное я – Сайен. – был вывод мертвеца. – Кто я такой? Не помню даже имени. Сайен... Сайен...» – он повторял в надежде вспомнить что-то знакомое.

Внезапно, взору предстала на мгновение картинка. Она была мутной, и Сайен успел разобрать лишь очертания леса. Вдруг, снова в сознании стали появляться фрагменты видения, или воспоминания. Мужчина не понимал. Они появлялись и исчезали. Сделав усилие, скиталец стал всматриваться в кинжал, словно пытался испепелить его взглядом.

Металл волнами накатывал переливами от рукояти до кончика, а камни светились глубиной океана. Золотая рукоять ослепляла взор. И вот, наконец оно явилось! Густой смешанный лес поражал своими высокими деревьями, крона которых, казалось, доставала до небес. Сильный ветер преклонял вековые дубы к стволам соседей. Остальные же, менее могучие деревья либо вырывало с корнем, либо они ломались от яростного напора стихии.

Во тьме ночи стоял воин с девятью похожими друг на друга. Спокойный взгляд, но сабли наголо, плечо к плечу смыкали линию. Позади них, творив свои чары, стояли трое из людей.

Один удерживал над собой кристалл, что цветом радуге был ближе. И камень этот силы придавал троим. Вокруг ни звука, ни крика птицы. Все смолкло, кроме ветра. Раздался треск. Он эхом раздавался. То было дерево из почвы выходящее с корнями. И стаи птиц все разом вверх вспорхнули, заволокли все небо и полетели от явной для них беды. Взлетело дерево над лесом, устремившись напрямик в десяток близнецов. Но на подлете, мановением руки одного из чародеев, оно сменило свой полет, опустилось в стороне. Спустя мгновение, как сильный гром, раздался рев, что уши чародеям заложил. И начал ход свой некто исполинский навстречу десяти да трем. Шаги трясли всю почву под ногами, но десять только встали для атаки, откинув саблю правую за спину, а левую – поперек груди. Был слышен только топот, повторяющийся эхом через лес и дальше. Саму громаду глаз не уловил.

Видение отступило, и, сколько бы Сайен не пытался, не мог его вернуть. Он стоял, осмысливая увиденное. «Что за немыслимый враг? Кто мои соратники?».

Ветер усиливался. Снег застил глаза. «Нужно выбираться отсюда!» – твердо решил воин и направился на юг, безошибочно его определив по движению светила.

Пять дней он пересекал снежную равнину, ни разу не остановившись на привал. Его продвижению мешал рыхлый снег, утягивающий с головой в ямы, пурга, скрывающая светило от взора и намеченного курса, но больше всего – ледяные расщелины, коих приходилось обходить большое время.

Мужчина достиг берега. Впереди расплескивалась на сушу вода, края которой не было видно. Здесь не было даже птиц, охотящихся на рыбу. Волны мерно накатывали, принося ледяные куски к берегу, а потом отходили, забирая их обратно. Ветер постепенно стих, и теперь можно было разглядеть белоснежное покрывало. Такое чистое и девственное, что даже ступать по нему было кощунством.

Сайен не хотел касаться воды и стал думать, в какую сторону ему двигаться теперь? В абсолютном беспамятстве он не знал, что вообще ему делать, если найдет хоть кого-нибудь. «Неужели это мир заблудших?» – это название всплыло в голове само собой, без источника познания. «Насколько я помню, этот мир являлся пристанищем душ, которых Магориэн не принял в свои сады. Они обречены вечно скитаться в снегах пустоши, песках пустыни, или в бескрайних болотах без какой-либо цели.

Путник думал, что создатель счел его недостойным, отправив на бесконечные скитания. Однако, без цели он иссякнет духом и будет влачить опустошенную душу, пока полностью не истлеет. И цель была! Воин намеревался стать достойным, отыскав не увядшую душу, ведь достоинство обретается среди других.

Долго размышлял Сайен о направлении, потеряв бдительность. Он не заметил, как сзади к нему кто-то подкрался. И за полмгновения до достижения клыков твари его плоти в прыжке, мертвец интуитивно с огромной скоростью левой рукой выхватил саблю из ножен и рассек место нападения, сделав большой прыжок в сторону. Но сабля, встретив сопротивление, как стекло – камень, разлетелась на несколько осколков. Зверь продолжил полет и угодил в воду. С неистовым ревом он задрывался, забился в невероятных движениях, издал глухой стон и бездыханный отдался волнам.

Мужчина огляделся в поисках другой напасти, но никого не обнаружил. Он посмотрел на оставшуюся рукоять и удивился. Медленно и осторожно скиталец подошел к мертвой твари, достал вторую саблю и пару раз ткнул для верности. Туша, почти целиком погруженная в воду, не шелохнулась. Тогда без опаски он вытащил на снег зверя и только теперь разглядел его. Нападавший был снежным барсом, у которого вся шкура была покрыта несокрушимым льдом. Плоть была высушена и лишена хвоста.

«Если металл мне не помог, возможно, я сам смогу разбить лед?» – с этими словами его кулаки мощными ударами попытались сокрушить странный нарост животного. С каждым ударом Сайен бил сильнее. Громкий звук раздавался на многие километры, но никакого эффекта это не дало. Лед даже не треснул. Путник понимал, что не только хладная броня спасает зверя. Будь он обычным барсом – так бы не высох и не напал, причем вода не оказала бы на него никакого эффекта, кроме намочания и холода.

Путник покинул тело зверя и направился направо от воды. Не долгим был его путь. Спустя четверо с небольшим суток увидел вдалеке строение широкое. Из камня, но высота была мала – всего три роста взрослого мужчины. Ускорил шаг и к вечеру достиг стены с одним проходом.

Тот камень, словно монолит, был целым и без швов. Его гладкая поверхность отражала последние лучи заходящего светила. Единственный, как перст, стоял посреди белых равнин. Снег, казалось, даже не касался его. Стены были темны и пугающи.

Но не было страха у Сайена. Без опаски он приблизился ко входу. На стенах красовались письмена, неизвестные ему, а рядом символ – сова, зорко глядящая прямо в душу. Длинный коридор из темных стен и со скалистой почвой, служившей полом, не имел потолка. Но это не мешало сохранить пространство внутри нетронутым белой пеленой. Крупинки снега, словно исчезали, попадая меж стен.

Скиталец твердо ступил на камень. Он шел неспешно до стены, которая давала два ответвления. Налево и направо – пути выглядели одинаковыми, лишь темный коридор, окутываемый мраком глубокого вечера. Путник понимал, что еще немного, и тьма застит глаза. Тогда останется идти на ощупь. Сворачивая то налево, то направо, иногда возвращаясь из-за тупиков, он шел, пока свет совсем не исчез. Ноги сами остановились.

В темноте Сайен увидел звездное небо и замер от завораживающего зрелища. Под ветрами выюг и под лучами яркого светила он не видел такой красоты. Все темное было не просто пронизано белыми точками. Яркими красками в разных местах были собраны желтые точки в красных, синих, фиолетовых и зеленых распылениях. Словно кто-то очень высоко пролил эти цвета, и ветер разносил их в разные стороны. Пробежав глазами по небосводу, воин оторопел. Из-за черных туч, уходящих вдаль, выплыл золотой серп. Он был огромен, но без рукояти. Казалось, что это нечто вот-вот упадет с такой высоты, ведь ничто его не держит. Однако, вопреки опасениям, оно не только держалось, но и перемещалось, освещая ночные просторы холодным светом.

Внезапно, путь перед мертвецом осветился желтым до ближайшего поворота и продолжил вправо. Свет исходил из толщи каменных стен и сразу пропадал, давая мраку волю.

«Что это? Наваждение?» – подумал путник и устремился за ним. Петляя по бесконечным коридорам, но уже в сопровождении частицы света, он достиг небольшого перекрестка, от которого в разные стороны расходились десяток дорог по лабиринту.

В центре покоился постамент из белого металла. На трех его основаниях были вырезаны фигурки странных людей. Один в тених скрыться пытался с покровом головы и без лица. Лишь одна половина его виднелась, другая же – слилась с темным камнем. Второй наперекор тому стоял открыто и улыбался коварными устами. Из рук его ветвились, словно змеи, ветви древа с плодами манящими взор. Последний же от них отличен был: не гневен, но и не радостен был его лик. Стоял, наблюдая за Сайеном, в простых одеяниях с сомкнутыми руками у бедер. Однако, взгляду путника открылась не простая фигура, но парящее божество, свет от которого исходил пусть даже из обычного камня, что бил прямым в глаза, освещая стены мрачного лабиринта. Сам постамент удерживал обруч из металлических цветов, окрашенных в разные оттенки. С виду он не подавал никаких признаков важности. Словно мертвый круг, украшенный такими же мертвыми цветами.

Воин подошел к нему и заглянул внутрь. Внезапно яркий свет ударил в глаза, озарив красоту зеленого лабиринта, стенами которого были зеленые кусты, растущие вверх на ту же длину, что и темный. Они были украшены всевозможными цветами, к которым подлетали пчелы, шмели и маленькие птицы. Дорожка под кустарниками была устлана мелким песком, вдоль которого по краям текли маленькие ручейки. Прекрасен был тот лабиринт. В нем хотелось остаться и жить, любоваться флорой и фауной, светлым днем и таинственной ночью, если она приходила в тот дивный мир.

Сайен посмотрел на «свой» лабиринт. Тот был мрачен и пугающий своими темными стенами, в которых, казалось, можно было найти очертания человеческих лиц, застывших в муках. И оглушающая тишина была спутником любого зашедшего.

Внезапно воин ощутил каждой клеткой своего тела чье-то присутствие. От этого существа исходила мощная волна энергии, которая заставила волосы на теле подняться и выпрямиться. Со всех сторон доносились голоса, которые было невозможно разобрать. Казалось, что они исходят из самих стен лабиринта. Мужчина слышал шаги. Кто-то тихо ступал по песку, приближаясь к нему. Звук был скорее женских миниатюрных ступней, чем мужских больших. Сайен был наготове. Одну руку держал на эфесе сабли, а другую – на рукояти кинжала. Шаг ускорился. Уже на повороте одного из путей. Однако, он никого не видел. Путник прижался спиной к постаменту и все внимание направил на один из входов. Тьма внутри тоннеля сгустилась, словно холодные лучи месяца, как и снег, исчезали в каменных стенах. Напряжение росло. Шаги были так близко, будто существо стояло прямо напротив в двух шагах. Но, никого не было видно.

Спустя долю мгновения оглушающей тишины шею путника обхватили две темные руки сзади, от которых он не смог увернуться, и затащили его в металлический обруч. Все померкло.

Скиталец очнулся в странном месте. Небо багровое в темных тучах, и непонятно было день сейчас или ночь. Вокруг был лишь камень и огонь, горевший в ямах скалистой почвы. Столбы дыма уходили вверх, образуя те самые большие темные облака. Лабиринта не стало. Скиталец стоял на возвышенности и оглядывал округу.

Где-то вдалеке летела странная птица. Ее крылья были перепончатыми, а голова уродлива. Она имела четыре глаза и столько же ушей, а вместо носа – два отверстия. Крик был оглушительным и мерзким. Хоть тварь и была далеко, но увидела мужчину и направилась к нему, истошно оповещая всю округу о его присутствии.

Уже на подлете Сайен заметил в ее пасти дюжину заостренных клыков, видимо которыми она убивала птиц и маленьких животных, если они здесь водились. Сильный голод измучил ее настолько, что она решилась наброситься на добычу крупнее. Когда птица вплотную подлетела

к своей жертве, воин быстро выхватил саблю из-за пояса и с размаху легко отсек уродливой твари голову. Тело продолжило полет и угодило в пылающее отверстие скалы.

Только мужчина вернул оружие в ножны, как взгляд пал на темную тучу непохожую на другие. Она двигалась слишком быстро в другую сторону от остальных. Затем послушался громкий гул, похожий на звук той птицы, но в несколько сотен глоток. Бежать не было смысла. Эта голодная стая станет преследовать, пока не поймает свою пищу. Снова сабля вышла из ножен для сечи. Кинжал оставался на поясе. Воин отставил правую ногу назад и слегка присел.

Когда птицы застрекотали зубами в полете к нему, мужчина ощутил невероятное чувство, вызванное случайно, словно в ответ на опасность тело само защитило себя. Оказавшись будто в воде, движения стали медленными и размытыми. Крылатые твари застыли на месте, а веки смыкались раз в пару минут. Однако, и воин не был быстр, как его взор, улавливающий волны звука, исходившие от врага.

«Мой разум воспринимает все быстрее, чем тело! – пришел к заключению он. – Воспользуюсь этим!».

До первой сотни оставался один большой прыжок, чем и воспользовался скиталец. Ослабив это чувство, он прыгнул и понял как нужно подставить саблю для уничтожения наибольшего количества противника. Казалось, прошел час в мясорубке с ордами крылатых, но для птиц это была пара мгновений. Сабля плясала в бешеном круговороте плоти и крови, иногда ей на помощь приходил кулак, сшибающий по три – четыре птицы за раз. Больше половины доброй сотни было уничтожено за прыжок.

Сайен опустил весь в кровавом месиве и снова прыгнул. И опять оружие заплясало, составляя конкуренцию кулаку. Сотни тварей сыпались на камень и в огонь, пока путник иного мира не уничтожил всех, кроме одной. Ее он схватил за шею, аккуратно саблей сломал все клыки и отрезал крылья. Теперь она не представляла угрозы, болтаясь в мешке из набедренной повязки на поясе.

Воин шел нагой по раскаленному камню весь в крови и с трофеем. Он не был зол. Спокойствие пребывало в нем всегда.

На возвышенности недалеко от места схватки стояла полуразрушенная крепость. Ворота были выбиты, как и часть стены над ними. Рампа провалилась вниз, нижний двор был захламлен перевернутыми повозками, бочками и прочим сломанным и сторевшим хламом. Боковой вход, чем можно было воспользоваться, был завален камнями обрушившейся башни. Верхний двор был недосыгаем для взора. Целыми были лишь укрепленные наклонные стены, бойницы и башни стрелков.

Путник заметил движение на стенах и направился туда. С каждым шагом чувство опасности усиливалось, на что он обратил внимание и сбавил бег. Словно в подтверждение его догадок, из-за ближайшего валуна внезапно выбежала гончая без верхней половины головы, удерживая ту самую часть в пасти, разверзнутую в области шеи. Она выпустила свою недогрызанную добычу и зарычала всем телом. Вся кожа ее была обожжена, хвоста не было, а на одном боку куски кожи свисали, обнажая несколько ребер. Она хотела кинуться на него, как услышала истошные крики птицы. Пес стал озиаться в испуге по сторонам и принюхиваться, видимо крылатые представляли большую опасность для него. Не обнаружив источник опасности, собака убежала, оставив кусок головы на пепле.

Ни намек на удивление или презрение сбежавшего соперника не появилось ни на лице, ни в сознании Сайена. Угроза исчезла, а шаг направил его к стене. Подойдя вплотную, он увидел проход, зиявший в крепостной стене. Чувство опасности не ослабевало, потому мужчина без лишнего шума прошел сквозь стену и оказался во внутреннем дворе. Там, в давно утратившим ценность и стратегическое значение дворе, бездумно бродила дюжина вооруженных солдат в старой и пробитой не раз броней, с проржавевшим оружием, а у некоторых и вовсе

сломанным. Вид был у них, словно после страшной битвы мертвецы восстали и охраняли давно разрушенную крепость. Сайену удалось остаться незамеченным, чем он и воспользовался.

Воин взобрался по каменным уступам на самый верх стены, где двое несли свою посмертную стражу. Один – копейщик, стоявший рядом, поодаль – лучник. И снова пришло то чувство, открывшееся в битве с мелкими тварями. Теперь же Сайен научился его использовать. Ступая мягко по камню босыми ногами, он бесшумно подбежал к копыеносцу и вонзил ему в спину саблю. Враг мгновенно обмяк и опустил оружие. Но не успел мужчина тихо опустить солдата, как металлическое навершие копья коснулось о камень и издало предательский звон, оповестив союзников об опасности. В этот момент лучник, стоявший в двадцати шагах от мертвеца, медленно повернул голову на источник шума. Взгляд гостя пал на падающее оружие, спружинившее за счет деревянного древка чуть вверх. Оставалось лишь подтолкнуть его ногой, что и сделал воин. Одним мощным пинком в наконечник древка он пустил метательное оружие во врага, проткнув ему грудь.

Лучник, не издав ни единого звука, повалился по направлению копья, уткнулся им в проем каменного пола и упал на колени, облаченные в легкие металлические щитки. И вновь раздался звук удара металла об камень. Лобовая атака была неизбежна.

На шум сбежались ближайšie соратники убитых. Они не успевали понять, как их тела с невероятной скоростью оказались пронизаны в самых неприметных прорезах панциря. Все, как один, успевали сделать замах, но в мгновение оказывались пораженными. Окрестности эхом разносили молчаливую схватку. С каждым убитым воин чувствовал прилив невероятной мощи, что придавала еще больше сил. Последнего солдата он просто разорвал напополам, выкинув части за стены. Враги кончились, а ярость не утихала. Спокойствие ушло. Отныне злоба главенствовала в нем. Схватив огромный брус, удерживающий навес конюшен, Сайен одним ударом вынес ворота верхнего двора. За ними никого не было. Продолжая натиск, он ворвался в главную башню. В ней была лишь пустота. За неимением соперника, мертвец швырнул брус в опустевший трон, упал на колени и вскричал. Энергия захлестывала его и, наконец, вырвалась в разные стороны, сжигая дерево, оплавливая камень.

В сознании появилась вспышка. За ней другая. И вот, путник лежит на каменной поверхности и смотрит в звездное небо. Снежинки опускаются, но не долетают до него. Мрачные стены предстали посеревшими, а металлический обруч у его головы опустел.

– Как это у тебя вышло?! – донесся женский голос совсем близко.

Путник мгновенно вскочил, но никого не было рядом. Голые стены стояли в молчании.

– Кто... кхм... – от неизвестно долгого молчания голос Сайена ослаб и почти не издал звука. Превозмогая хрипоту, он смог сказать: – Кто? – на большее и надеяться было рано.

– Ты! Как ты выбрался, оборванец? – послышалось за спиной. Воин быстро обернулся, но позади был лишь пустой обруч. Он всмотрелся в серый безжизненный предмет.

Внезапно в центре него стусилась серая рязка, после чего весь круг заволокло белым плотным дымом. Изображение сначала мутно, а потом все четче медленно показало тот самый цветочный лабиринт с птицами и насекомыми. Но теперь, там стояла женщина темного цвета кожи и таким же цветом волос. Она пристально смотрела на скитальца своими темными глазами с серьезным лицом. Ее желтое платье колыхалось на слабом ветру, притягивая внимание мужчины. Она была молода, красива, но тяжелый взгляд выдавал долгий пройденный путь и долгие прожитые годы.

– Не знаю. – хрипло ответил Сайен. – Кто ты?

– Я – Гур Лаира, хозяйка этого лабиринта и, по печальному истечению обстоятельств, его пленница. Много лет он был молчалив, а теперь ты нарушил покой, из-за чего все стены гудят и ропшут на тебя. – она заметила мертвенно-зеленые глаза и отсутствие реакции на холод. – Хм. Таких я не встречала. Ты не человек, хоть и выглядишь как они. – Заключение провела рукой,

словно отогнала мешающее насекомое от лица. Путник почувствовал слабую волну энергии, которая тут же угасла.

– Что это? – слегка окрепшим голосом спросил он.

– Да ты мертвец не иначе! – воскликнула Лаира. – Мои чары состарили бы тебя вмиг, но моя догадка подтвердилась. Однако, ты жив! И без следов разложения. Значит, хозяйина у тебя нет. – она задумалась, глядя на него так пристально, будто хотела его прожечь.

– Я – Сайен. – нарушил молчание мужчина. – Что это? – он помахал ладонью у глаз, а потом вокруг себя.

– Ты про видение? Это была моя проверка на твои качества. Хитро ты поймал волана и нес, отпугивая гончих. Я не сразу догадалась для чего это. – она ухмыльнулась.

– Давно здесь? – слова хоть и давались с трудом, но теперь мужчина произносил их в голос.

– Очень. Неимоверно. Какая сейчас эпоха? – по ее виду было видно, что она действительно не знала.

Сайен пожал плечами, а потом показал на голову.

– Потерял. – он слегка смутился.

– Все интереснее и интереснее. За колоссальное время, проведенное здесь, я встретила единственного, кто заблудился в лабиринте, но нашел окно в мою темницу, кто выдержал испытание на стойкость для моего освобождения. И теперь, когда меня столько времени мучил вопрос: «Что происходит в мире?», у спасителя потеряна память. – Лаира зашагала из стороны в сторону, почесывая ногтями лоб. Наконец она остановилась, посмотрела на скитальца и сказала: – Я очень долго сижу уже в этом месте. Тех насекомых и птиц нет, как и красивого лабиринта. Это моя иллюзия. Я прошу тебя, вызволи меня отсюда. Сделаю все, что попросишь. – девушка слезливо посмотрела на своего возможного спасителя.

Воин кивнул в знак согласия, подумал и сказал:

– Пойдешь со мной. – после недолгого молчания добавил: – Друг нужен.

Своей рукой темная заключенная достала из складок платья небольшой нож и с усилием сделала надрез в виде креста на плече.

– Даю клятву своему спасителю, – она посмотрела на путника, – и другу!

Еще не состоявшийся герой кивнул.

– Как вызволить?

– Там, где ты был, лишь малая толика того, куда отправишься. Найди меня сквозь слои иллюзии. Моя внизу, где верх – лишь бездна у другого слоя. Добраться будет нелегко. Песок, лед, пламя и падение задержат тебя. В конце пути разрушь лабиринт. Не знаю как, не знаю чем. Он очень крепок. Сломай стены, а особенно – этот проклятый обруч. Он держит меня здесь. Теперь ступай к проходу за спиной, поверни влево, затем вправо, снова влево и влево. Там будет тупик. Но, ступив через стену, ты войдешь в мир, где я – узница. Прошу, поспеши. Уж очень хочется выбраться.

– Жди. – коротко ответил Сайен и повернулся к указанному проходу.

Долго искать не пришлось. Как и сказала девушка, он оказался в стене тупика. Перед входом путник остановился и подумал: «Вдруг я помогаю существу, которое заперли здесь добрые люди? Может меня обманом пытаются вовлечь в вызволение древнего зла? – он стоял и не решался войти. – Зачем же она дала клятву кровью? Все это фарс, или помощь могучей чародейке? Будь что будет. Ее чары на меня не действуют. Только видения. Но теперь и на них управа нашлась. Уничтожу угрозу сейчас и, если подтвердятся опасения, после». С этими словами неживой и немертвый ступил в мир быстрого круговорота жизни и смерти.

Глава 2

Юстос Эстин

Вести, меняющие судьбы

Прошёл огненный закат, ослепляющий неосторожный глаз. Его сменили первые звезды, такие молодые и чистые, представшие горестным взорам каменного острова, послужившие некоторым отрадой горестного вечера. Они напоминали суть бытия, чем оно задумано. И то, чем ему никогда не быть в силу человеческих пороков. Словно свет костра, угасающий без древесной пищи, Темунд накрыл поздний вечер, принёсший на своих плечах сумрачный плащ. Месяц пока не думал показываться, отчего тьма застила очи и без того скованные горем. Звездные лучи пытались прорвать завесу мрака, однако они находились так далеко... По этому случаю матросы зажигали факелы и фонари, поднося их скорбящим огненной рекой.

До того, как один из светочей достиг двух фигур, Юстос со Спирантой так и стояли, вглядываясь в черноту саркофага. Дети давно покинули их, отправившись на судно. Молодые легче принимают удары жизни, если рядом есть те, кто способен их защитить, направить и подсказать. Лишь свет факела коснулся лица верумия, как тот оживился и принял лучину. Девушка же стояла, словно мраморная статуя. Слишком много мыслей терзали её. Но, любящий мужчина не мог больше предаваться думам. Его теплые уста примкнули на секунду к её лбу, а руки ненадолго нежно обняли озябшее тело. Собрав все вопросы и возмущения, он отложил их до лучших дней и, с трудом передвигая казавшиеся каменными ногами, Юстос направился к кораблям.

Весь небольшой путь верумий не мог отвязаться от мысли, что все ответы хранятся на востоке. Однако, понять «почему?» он не мог. Словно, нечто подсказывало ему верный путь, не полагаясь на доводы. И, лишь нога ступила на судно, как мысль раскрылась сама собой. Первые отщепенцы Харрасса ушли на восток. И они были далеко не простые рабочие. Мудрецы и строители, кузнецы и философы, воины и законотворцы. Все они считались лучшими в своём деле, поскольку государь юга не отпустил бы невесть кого. Но, это знали не многие. Большинство до сих пор считают их дикими и свирепыми, поскольку добрая часть регнума располагалась севернее запада. Сам Дэмер явился из вулкана на востоке, коего встречали предвестники. И именно восток оставался верен неизменным традициям природы, духа и совести. Именно там нужно искать ответы!

На борту за столом у колдерштока громко что-то обсуждали боцман и капитан. Однако, стоило показаться правителю, как ругань мигом прекратилась.

– Гордмин, – начал он, – я отправляюсь в Древозар на сопровождающем судне и с тобой во главе. Возьми боцмана с собой, а всех остальных с головного корабля немедленно возвращайте в Мурумал! Капитаном поставьте Панрега, кажется. Того, что за главного на сопровождающем.

– Не на своём судне? – хотел было возразить Гордмин. Но, верумий ожидал такой реакции.

– Тебе я доверяю больше. Остальным ничего не грозит. Неизвестно, что произойдет на востоке, тогда как западный путь безопасен. Раздели воинов поровну и поставь одну часть на охрану головного корабля.

– Да будет так. – понурился головой, согласился капитан. До смерти Дуктора он мог возражать Юстосу, и даже отказать ему, но сейчас ситуация изменилась.

Все, включая Юстоса, были ошеломлены ночным событием, но никто не решался открыто это обсуждать. Мало кто знал, как отнесется к разговорам новый верумий, поэтому шептались за спинами.

Родственники покойного стремились поскорее уплыть с этого острова, в частности кузина Дуктора по матери – Флагияция Суперби. Она в пышном темно-коричневом платье подталкивала своего мужа, Неготия Суперби, к судну и постоянно ему твердила нервным тоном и противно тонким голосом:

– Я говорила тебе взять отдельный корабль, но ты пожелал плыть со всеми. Почему мы до сих пор не отплыли?

– Верумий Мурумала велел снарядить судно сопровождения для поездки в Винсемор. – спокойно ответил муж. – Поэтому такая задержка. А корабль я не взял потому, что он нужен для перевозки товаров с южного берега по прибрежным поселениям.

– Откуда знаешь про верумия? – осеклась Флагияция.

– Я случайно услышал разговор матросов, что покинули то судно.

– Может и нам отправиться туда? Там прекрасные зимние одежды из шкур диких зверей. Они лоснятся на свету, а хвост украшает ворот. И тепло и красиво! – мечтательно произнесла она. – Не то, что привозят твои караваны с юга. Они горазды только на теплую погоду. – упрекнула Неготия. – Ты только представь, какое там теплое и мягкое ложе можно купить!

– Восток и мягкость не совместимы. – также спокойно ответил мужчина, доставая из кармана сладость. – Изначально те, кто ушел в восточные края, были суровы и жестокие. Они варвары! – последние слова он произнес достаточно громко, что услышали все собравшиеся у пирса. Мгновенно большинство посмотрело на него, отчего Неготий замер, не успев донести еду до рта. Он округлил глаза, поняв, что эти слова могли быть услышаны и восприняты по отношению к семье нового верумия. Ситуацию спасла жена.

– Ну и останемся без теплой «варварской» одежды, согреваясь лишь у костра! – она быстро выхватила кусок сладкого из рук мужа и кинула его в воду.

Гробовое молчание, нависшее после её слов, нарушил верумий. Он подошёл к борту головного корабля и обратился к народу:

– Друзья, я знаю – вы встревожены ночным событием. Многое нам ещё неизвестно, а сверх того и не должны знать. Наши ожидания справедливого реуниона были нарушены, и посему на вопрос нужно найти ответ. Желая вам благополучно добраться до Мурумала и забыться по пути в крепком сне. Я же отплываю в Винсемор. Надеюсь, князь Велибор поможет мне узнать больше. А теперь, прошу на борт! – он указал рукой на дверцу юта.

Народ долго не ждал и повалил, чуть не сшибая друг друга со сходень. За вечер, проведённый на холодном камне и под не менее ледяными каплями накатывающих волн, каждый успел озябнуть и желал лишь оказаться в своём юте под тёплым одеялом и согревающим настоем трав. Хотя порыв и был велик, люди соблюдали уважение к старшим и детям. Им помогали быстрее подняться на борт, дабы самим скорее покинуть холодный остров. По обычаю, последними на борт поднималась семья Юстоса. Уже достаточно взрослые дети помогали последним взобраться по скользким сходням. Даже молчаливый Долим поддерживал разделяющую горе семьи Эстинов женщину, идущую скорее наугад, из-за постоянного промачивания слёз платком.

Наконец, когда все приближённые и родственники расселились по своим кроватям, сыновья подошли к отцу. Они знали – бесполезно отговаривать его и потому решили быстро проститься.

– Не задерживайся там. Они хоть и живут по обычаям радушия, по рассказам путешественников восток опасен. – предостерег Фидеум.

– Не волнуйся. Общий язык найдем. – усмехнулся Юстос.

Старший сын обнял отца и встал в стороне. Вслед за ним радостно подошел Форут.

– Ну что, когда отплываем?

– Вы – сейчас. Я – чуть позже.

– Я еду с тобой! Давно хотел посмотреть на воинов востока. Они научат меня новому стилю боя и ... – не успел сын поведать о планах, как его прервал Юстос.

– Поездка туда опасна. Вас я не буду подвергать прихоти судьбы.

– Но...

– Присмотри за мамой и братьями. Когда вернусь, все расскажу. Возможно, если князь Велибор будет благосклонен, позже мы все отправимся туда погостить. – верумий положил ему руку на плечо. – Ты их опора, пока меня нет. – пристальный взгляд отца заставил подчиниться, и понимающий Форут отошел к старшему.

Следом подбежал и Долим. Он был взъерошенный и запыхавшийся. Видно было, что его любопытство сподвигло на изучение пустого острова.

– Нашел что-нибудь? – поинтересовался Юстос.

– Один лишь камень и мох. – отдышался сын. – Я издалека тоже слышал, что ты плывешь в Винсемор. Привези мне книги о великих горах Пондера. Знаю, что на востоке вряд ли они найдутся, но я отправил письмо Химсину Фаранху с этой же просьбой.

– Ты состоишь в письменном разговоре с сыном южного государя? – удивился отец.

– Ого! – с неподдельным изумлением произнесли братья.

– Чему удивляетесь? Мы уже давно пишем друг другу. Чуть позже, того, как мы были в Харрасса. Но, сейчас не об этом. – он не замечал улыбок на лицах братьев. Они думали, что младший мастерски лжёт. – Так вот. Химсин написал, что таких книг очень мало. И то, они скорее о породах внешних и сокрытых, нежели о таинственных глубинах. Большинство книг забрали люди востока для обживания тех мест. Вот я и прошу, если князь согласится, мне их дать, то пожалуйста, привези мне их. – Долим деловито посмотрел на отца.

Такого многословия никто не ожидал от него. Было видно, что книги ему очень нужны.

– Хорошо. Если князь Велибор будет не против. – улыбнулся Юстос.

Младший сын подбежал и обнял отца. Он достигал ему пока до поясницы, потому и обхватил ее. Верумий погладил того по голове и посмотрел на одинокую Спиранту. Она весь вечер не отходила от места последнего пребывания ее отца в этом мире. Чувства не могли так просто его отпустить.

Освободившись от сына, Юстос пошел к ней. Необходимо было отправить её домой прежде, чем кончится безмолвие скорбящей. Однако на полпути к верумию подошел вестник Магориэна с грозным видом.

– Видел ли ты, сын степей, справедливость реуниона?

– Пусть я не столь близок к вашим обычаям, но это не ускользнуло от меня. – ответил Юстос, поглядывая на Спиранту.

– Тогда ведать должен и о равновесии ушедших предков и нами, живыми! – все также голос был его грозен.

– И это я знаю. К чему ты ведешь?

– К тому, что лихо подбирается к нам. Еще не было на Пондере подобного, дабы не воздалось по заслугам вершашему. И то – деяния владыки ужаса. Удалось ему перевесить чашу на свою сторону, иль Магориэн то допустил. Не то важно, а лишь – как явится подобное нам. Чую неладное близится, отчего спасения не будет.

Юстос хотел было спросить у него больше, но старик задумался и ушел на корабль, бормоча что-то под нос. Верумий же принял пищу для размышления и неспешно подошел к Спиранте.

– Мое сердце, корабль отплывает. – еще издали пытался начать разговор он. В ответ было только молчание. Верумий подошел сзади к Спиранте, обнял ее и поцеловал в волосы. Она стояла, словно живая статуя, холодная и неподвижная.

Лишь через минуту с ее губ сорвалось:

– Не справедливо! – пронесся шепот, словно ветер. Муж стоял, давая ей «оттаять» и выплеснуть накопившееся наружу. – Он был примером для нас. Для всех! Примером мужества, доброты, чести. Источником вдохновения, отваги и силы. Мы все опирались на его решимость, стойкость и дальновидность. И верумий нас не подводил. – девушка повернулась каменным и бледным лицом. – За что с ним так поступили? – слезы, казалось, не высыхали. Красные глаза вопросительно ждали ответа.

– Не мне судить его деяния. Хотя я и не признаю Магориэна, но то, что здесь произошло, у нас посчитали бы чародейством и искали бы виновного. Уж очень не терпят их у нас. – Юстос обнял ее еще крепче. Спиранта уткнулась ему щекой в шею. – Что бы здесь ни произошло, я узнаю истину и покараю совершившего это, если будет в моих силах. Вы отплываете назад в Мурумал. Я же – в Винсемор.

Девушка отпрянула от него. На лице взамен скорби пришло удивление.

– Зачем? Все тайны на юге. На востоке же дикость!

– В том то и дело. Чем ближе человек к природе – тем он ближе к духовному. Мы были детьми и не понимали старейшин. «Зачем сохранять погибшие растения?» Они отвечали: «Для жизни других». «Почему поверженному врагу нужно сохранить жизнь?». Они отвечали: «Для его изменения и преображения». Мы не трогали животных, которых не собирались есть. Мы верили, или даже чувствовали их бестелесное существование в далеких мирах Остагна.

– Что это за миры?

– Их много. И в каждом все любят друг друга. Им не нужно есть, спать, пить. Все дружат и делятся историями жизни. Хищники ходят рядом с едящими траву и не трогают их. Даже насекомые не кусаются, а летают мирно по лугам.

– И любой туда может попасть?

– Любой зверь. Человек же может кануть по делам его в единственный «мир Биверта». Это страшное место. Для тоски и увядания места там нет, как у вас. То тело, в котором ты умер, влочишь по небольшому островку, вокруг которого всезжигаемый пламень. Сам остров – ледяная глыба, студеной ледяной пустоши. Но там ты не один. Все, кто попал туда, умещаются на льдине, коих не так уж и много. Многие уже неисчислимое время горят, становясь скорее пылью того, кто попал туда. Те же, кто в ледяном плену, смотрят на свою участь.

– Но, если человек сгорит здесь, то тела не будет в том мире.

– Никто еще не пережил сожжения. Как только приходит смерть – приходит и остров. В еще несгоревшем теле ты появляешься там. Только самое страшное не то, что ты чувствуешь всю боль от огня и холода. Спустя долгое время битвы за место ты начинаешь думать о прыжке в огненную бездну. Когда приходит безумие – вот самое страшное.

– Что если Дуктор попал не в благословенные сады? Что если он «там» сражается, чтобы не сгореть?

– Прибудешь домой – ступай в святилище и проси Магориэна принять Дуктора. Я же буду искать ответ на востоке. Через половину луны вернусь. Не переживай. – Юстос поцеловал Спиранту и проводил на корабль.

Волны медленно уносили судно от берега. Боковой ветер позволял набрать скорость, но не в полном объеме. Кок из своего оконца по привычке отгонял чаек от остывающего мяса. Матросы бегали не так резво, ведь их теперь было больше, и работу выполняли быстрее.

На корме, возле развивающегося знамени Мурумала стояли Спиранта с детьми. Девушка и младший сын махали отцу, чем и отвечал им Юстос с берега. Остальные сыновья куда-то ушли, не удосужившись проводить отца. Однако, через какое-то время оба появились и помахали руками. В ответ отец поклонился, приложив правую руку к плечу наискосок, после чего протянул её ладонью вверх в сторону судна. То был знак признания величайшей чести и возможного прощания навсегда.

Когда корабль отплыл достаточно далеко, верумий еще раз взглянул на каменный саркофаг, тьму которого полнил лёд, и приказал отшвартовываться. Судно имело одну мачту и несколько дополнительных парусов. Из-за небольшой команды матросам приходилось быстрее бегать и расправлять их, привязывая к креплениям на шканцах. Была набрана хорошая скорость, и корабль полетел по волнам, рассекая их.

Кока на борту не было, но матросы успели приготовить завтрак из скромных запасов. Юстос не хотел есть, но нужно было набраться сил, ведь весь вечер никто не спал и не ел. После сносной трапезы он прилег отдохнуть. Размеренная качка быстро унесла его в дремоту, а оттуда – в глубокий сон.

«Дикий танец сабель в битве отдавались лязгом хищным. Две по две подруги алчных кровь пустить стремились рьяно. Вот одна с другой сомкнулись, третья метила по шее... Промыхался шибко горьким. Сталь второй, отбив атаку, вдарила по лбу без шлема. Кровь явилась почве жгучей. Воин пал назад, крутнулся, вновь нацелил обе сабли и с упора на колено прыгнул глотку рассекая. Но соперник оказался больно ловким и умелым. Лишь царапину оставил кончик вестницы забвенья. То не бой ради потехи, но на смерть сражались оба, потому и уступать не в почет ни в мыслей беге. Как два волка, оцетинясь, всяк бросок считали важным, потому с опаской строгой выдавали в лучшем виде. Сабли мало отличались друг от друга, и за этим преимущество не стало в большей мере ни на долю. Бой техничен, быстр, равен. Всяк удар в глазах читался. Прибыл час, когда усталость верх взяла и прекратила танец боли, крови, смерти, дабы дух перевести.

– Я ведь знаю... все твои... приемы, планы. Остановить меня не в силах! – кричал противник в куртке длинной.

– Что-то – да. Но, есть иные... – отвечал мужчина с раной.

Бросив пыль в глаза изгою, шаг обманом правил влево для секущего удара. Но, пригнувшись под клинками, прыгнул вправо для наскока вслед за острыми «когтями». Вновь обманом метил в шею, но крутнулся враг быстрый, дав клинку раздор прискорбный. Этот ход рассчитан не был, но судьба, решив иначе, мысль верную внушила. Взяв клинки концами в ноги, воин прыгнул между ступней, нанося порезы быстро. Кувырок и вновь в защите, воин ждал удара сразу. Но, противник, обессилев, лишь клинки коснулись почвы, рухнул на колени грузно. Кровь стекала из бедра, вторя ране выше пятки. Ноги боле не подвластны были, отчего и бой проигран. Чувствуя свою погибель, взгляд направил к оппоненту.

– Паршивый облик мой, уменья, что сохранил, тебя покинув.

– «Овце паршивой та же смерть» – твои слова в порыве злобы.

– Зло помнишь ты, но было благо... Мудрейшие учили нас иному: «Возможность дай врагу меняться! Преобразится твоим другом!».

– Рекли те также: «Плод не жди от гиблого цветка и древа. Кинь мертвое к живому сразу, дав крепости и сил родному».

– Мой путь всех битв лежал чрез память, что наши предки завещали! Язык наш должен править крепью! То – наша отнятая былль! – персты его казали в стену, где бой утих в пылу пожара.

– Порыв души твоей низвергнул наш бы народ из памяти степей! Война и гибель с истребленьем – вот что оставил бы твой штурм. Победа в битве, захват замка – возликовать не дали бы над краем. Узрев войска востока, юга, чародея, лишился бы всего и нас собою утащил! За павших месть страшнее рока! Столь строгая, что память позабыла бы о нас. – стыдил его окрепший победитель. – Ты был мне братом, другом. Реугом нареченный, был за всех горой. Но лишь одно решение лихое врага мне кровного представило, как дар. Не в праве я судить поступки твоих разбойничьих плеяд. Но подвизался я исполнить наказ вождей, как долг пред родом! – рука дрожала, словно час клинок держала. Столь тяжела расправа стала над бывшим родичем и присным, что дух ослаб в момент свершенья. Вобрав решимость, волю, силу, клинок взмет-

нул в небо быстро, но лязг стрелы о сталь стал вестью о надвигающейся бойни. Взгляд оторвался от Реуга и повернул на север к стенам. Толпа разбойников с испуга снесла казнившего с уклона, забрав казнимого с собою».

Сон отступил. Юстос открыл глаза, ощущая липкий пот на коже. «Страх ли это? – размышлял он. – Откуда? Возможно, обычные переживания». Верумий встал, прислушиваясь к шуму волн, крикам чаек и свисту умеренного ветра. Неспешно он подошел к ведру с водой и умылся. Привычная прохлада не шибко исполнила свой долг. Тело привыкло к постоянным обливаниям, поэтому необходимо было искать новые средства пробуждения. Еще не ушедшие остатки сна держали его в полудреме. Собственное отражение в воде казалось лицом Реуга. Однако, не было в нём привычного оскала. Спокойная мина, лишённая чувств.

Остаток пути верумий провел, наблюдая за птицами, волнами и порывами беспокойного ветра в парусах с кормы, укутавшись в одеяло, то и дело размышляя о предстоящей встрече и недавних событиях. Его никто не тревожил, пока рано утром пятого дня путешествия удары колокола не разбудили его, сидящего возле борта, и задремавшего все в том же одеяле среди бочек, сообщая о прибытии в порт Древозара. Юстос часто предавался воспоминаниям о былой жизни и иногда мог погрузиться в раздумья не замечая смыкания глаз и лёгкой дрёме, перерастающей в глубокий сон. В такие моменты он отпускал «себя» и возносился к счастливым моментам, забывая свой титул, свои манеры. Верумий мог забрести туда, куда ноги приведут его, и зачастую это место было не столь приятным, как самый дешёвый кабак на окраине.

Однако, сейчас он прибыл именно туда, куда хотел. Юстос был здесь впервые и знал лишь слухи и рассказы любимой Спиранты. Ему не терпелось узнать побольше. Однако, виду он не подавал. Не спеша, спустившись в ют, мужчина привел себя в порядок, надел простой плащ для отвода глаз, свернул в мешок дорожную одежду и вышел навстречу новому. Корабль был еще в паре километров от пристани, но вид, открывшийся на порт, был изумительный. Он выглядел, как маленький город, или большая деревня.

Каменная набережная из больших валунов снизу, маленьких наверху, а средних – между ними, скрепленные песком и глиной, была украшением порта. Деревянные причалы для десятка судов были обработаны дегтем для твёрдости ног на скользких досках и каким-то раствором для маскировки запаха основного покрытия. По ним сновали рабочие торговых кораблей, разгружая и загружая товары. Были и просто путники, приплывшие с южного берега и Мурумала. Среди всех кораблей Пондера выделялся только один, пришедший из-за моря. Он был, как и все, двухпалубным, но с утолщением кормы, за счет чего каюта капитана была просторнее, а на палубе помещался стол капитана, два сидения и небольшая мачта за рулевым рычагом. Высокая мачта была в полтора раза выше мачты корабля Юстоса. Ванты были белоснежные, а штаги – темнее ночи. Паруса убраны, отчего сложно было определить народность, но верумий был уверен, что судно принадлежит новым врагам отвергнутых – гольфарамам, прибывших издалека. Так их называли в те времена, когда Юстос был десятником. Уже долгие годы южане совершали набеги на берега отвергнутых. Последние давали жесткий отпор и даже брали пленных, но выяснить их цель, а тем более прогнать насовсем – было невозможно. Новый враг, как чума, захватывал поселения, но его вскоре выжигали с насиженного места. Настороженность пришла мгновенно.

С палубы на причал выходили в шкурах животных могучие воины, но без оружия – таков был обычай гостеприимства. Между теми сновали худые, но жилистые мужчины. По их повадкам можно было определить, что они достаточно ловкие, а некоторые малость безумные. Тогда и пришла полная уверенность в сговоре восточного князя с гольфарамами южных островов, или как их называли более просвещённые – стальные. Юстос не желал ссоры из-за прошлых обид, потому – решил преодолеть путь до терема тенью.

На набережной были две широкие дороги, по которым доставляли груз на восток и с востока лошадьми. Однако, попасть на них, или с них в порт можно было через большой

каменный дом трех этажей. Там проверяли все товары востока, идущие озером. Тракт был забит множеством повозок, а со стороны порта стояла толпа ругающихся людей. Люди терпеть не могли проволочек со свитками, а работники сего заведения пользовались этим и в обход правил пропускали контрабанду и прочие запрещённые товары за «благодарность» от щедрых торговцев. Навязанное условие существования союза от Харрасса востоку множество раз попиралось простыми гражданами. Однако, вот уже сотню лет оно не только не зачахло, но процветало на терпении проходящих.

Вправо от дома располагалось красивое строение, без которого ни один порт не мог обходиться. Его разноцветные ленты, цветочные венки и стены всех ярких цветов созывали к себе путников и некоторых жителей порта. У входа стояли девушки в вызывающих нарядах, оголяющих некоторые части тела и зазывающие путников зайти внутрь. Раскуривая трубки, они завораживали речами проходящих, будь то бедняк или богач. Нескромные одежды привлекали матросов кораблей, отчего манящее уединение быстро опустошало их карманы. Юстос отвел взгляд и стал всматриваться дальше.

Еще правее была лавка с морскими принадлежностями, что была в каждом порту, или в поселении у воды. На вывеске красовался якорь, снятый весьма давно, судя по ржавчине. Фасад здания был выкрашен в серый цвет, отражающий будни его владельцев. Однако, не смотря на скромный вид и не столь редкие товары, на пороге стояло несколько человек, желающих что-то купить.

Взгляд скользнул еще правее. Пара больших зданий, одно из которых наполовину стояло над водой на больших сваях, а второе поменьше примыкало к нему. Вместе они занимали добрую восьмую часть порта. То был единственный в союзе Пондера судовой док. В Харрасса и на южном берегу имелись такие же, но более скромные. И называли их не так уважительно. «Плотницкая», «Латная», «Лодочная» и другие менее известные названия прикрепились к ним. Но, именно здесь, в этом самом доке, строились новые корабли, ремонтировались морские суда в пользовании и разбирались ветхие. Сюда стекалось много знати и купцов, желающих приобрести торговый, или личный корабль по своим пожеланиям. Из ворот торчала часть начатого судна, но понять – какое оно, было сложно, тем более – издали.

По левую сторону от здания проверки и уплаты за ввоз и вывоз товаров, иначе говоря – здания портотории, или на здешний манер «мытница», стоял не менее важный дом – управа. Созданный, как и все здания в порту, из дерева, он имел прочный каменный фасад в стиль набережной. Имея также три этажа, здание возвышалось над мытницей и являлось самым высоким в порту. Там работали управленцы порта и водами к нему прилегающими, но одно отличало его от гавани Мурумала – двери были открыты и не было столпотворения у них. Значит, люди верили в их работу и их вопросы решались быстро, чем запад не мог похвастаться.

Еще левее расположились пара зданий почти одинаковых, с большим количеством окон. Они располагались близко, но не соединялись. Одно из них носило вывеску «лазурь». Юстос понял, это был заезжий дом. Тут путники могли отдохнуть с дороги, или весело провести время за чаркой хмельного в приятной компании. В бытность свою отвергнутым ему доводилось бывать в таких местах. Провонявшие дешёвым алкоголем и жареным мясом, они вмещали в себя народ разных мастей. И потому, засыпать в снятой комнате было опаснее, чем подхватить болезнь от вместилища похоти через два дома от него. Крепкая на вид дверь открывалась нужным нажатием в правильном месте, и постоялец оказывался в тесном помещении с алчущими его крови головорезами. Даже крик перебивался звонкой монетой кифаредам, которые поднимали общий настрой до восторженных голосов под чаркой пива.

В стороне от этих домов располагались несколько больших строений, каждый из которых имел по 2 входа и несколько окон с закрывающимися на засовы ставнями. Подле них стояла стража, а вокруг всего этого – забор с заостренными кольями на верхушках. То были – склады для товаров запрещенных, или на хранении.

Пока верумий примечал красоты порта, судно пришвартовалось и начало готовиться к досмотру по команде капитана. Юстос же подошёл к сходням, ожидая их установки. Внезапно, один из его стражей заметил, что по причалу в их сторону идет человек, и сразу доложил Юстосу. Все внимание устремилось на гостя. Незнакомец же ускорил шаг. Урилии быстро сомкнулись плотным щитом перед господином и вынули мечи. Человек остановился. Смуглый тон кожи и сильно выющиеся волосы выдавали в нём южанина. Однако, одежда и посох в руках – восточные.

– Кто ты и что замышляешь? – спросил мужчину один из стражей.

– Я – посланник князя Велибора. Мне велено с почестями встретить верумия Мурумала и проводить его в чертог моего правителя. – он слегка замешкался. – Однако, мне неизвестен корабль и лицо господина Юстоса... – он сделал паузу, а затем добавил: – Эстина.

«Он знает? – подумал Юстос. – Даже сюда дошли слухи. Нужно узнать, тот ли он, за кого говорит».

– Как твое имя? – спросил верумий.

– Перилл из рода Карстов.

– Это далеко не восточное имя и род твой явно не здешний.

– Верно. Мои корни за морями. Несколько лет назад мы приплыли сюда и стали прославлять свое имя. Однако, не столь успешно, как хотелось бы. Мы не закалены в боях, как вы, но ведем иные войны. Судя по вашей одежде, – а ее Юстос сменил на простую для тайного прибытия к князю, – по вашему взгляду и охране, вы – тот, кого я ищу! И я понимаю ваши опасения. Прошу вас довериться мне. – человек улыбнулся.

«Довериться, как же. Лучше я доверюсь встречной собаке, чем незнакомцу! – размышлял верумий. – Однако, я пришел за ответами. И я их получу! – твердо решил он.» – Как мне верить тебе, что ты от князя?

– Он передал мне это. – из внутреннего кармана незнакомец вытащил сверток и протянул его стражнику. Тот осторожно развернул его и, достав свиток, передал Юстосу. Гербовая печать на туго свернутом целом листе походила на те, что попадались верумию в письмах от князя.

– На западном троне я недавно, и не со всем успел ознакомиться. Веди же нас, Перилл и рассказывай о своем господине.

– Как будет угодно. – ответил мужчина и услужливо указал рукой путь по тракту.

Юстос, не отрывая глаз от проводника, нагнулся к одному из стражей и прошептал:

– Поставить сзади одного из метателей. Чуть не так себя поведет – быстрая смерть.

Воин лишь кивнул и шепотом передал его слова тощему мужичку в сером кафтане. Тот взглядом дал понять, что готов исполнить приказ и побрел позади в след за остальными на нужном расстоянии для мгновенного броска.

Без задержек они миновали порторию, поскольку товаров не ввозили. На задворках порта взяли лошадей и двинулись в Винсемор. Дорога была обширнее, чем предполагал Юстос, и кони спокойно разъезжались со встречными повозками. Не сказать, чтобы много людей выезжало с востока, ведь прибывало не меньше. Только, товаров везли намного больше, чем вывозили. Из этого следовало лишь одно: купцы, торговцы, ростовщики и прочие «слуги злата» охотнее сбывали свой товар в Древозаре за его золото, нежели за западное. Люди поддерживали этот край более в силу их потребностей при постоянных битвах с порождениями флоры. Запад же ни с кем не воевал, а потому производил больше. Однако, что нельзя было сопоставить, так это злаки. Горная почва запада не позволяла вырастить ту же пшеницу, овес и другую крупу более восточной. Всякий раз, когда урожай Мурумала был больше предыдущего, Древозар мог похвалиться вдвое большим, а то и втрое. Могущество востока произрастало не только из ярости их воинов и богатства плодородия. Великую поддержку им оказывали золотоносные

шахты на севере, что и подталкивало влиятельных особ вкладывать средства в процветание Древозара. Однако, эту ситуацию Юстос намерен был изменить.

От порта Перилл не умолкал и рассказывал все, что верумий итак знал от Дуктора, поэтому на середине пути он его прервал:

– Безусловно, твои слова может подтвердить любой подданный, некоторые и проверить нельзя. Но, скажи мне: чем увлекается князь Велибор, когда думает, что его никто не видит?

– Это интересный вопрос. – сощурился проводник. – Если князь думает, что никто его не видит – так оно и есть.

– Хоть я и принял верумство не так давно, как ты знаешь, однако, это понять успел. Не уваливай!

– Как пожелаете. – мужчина глянул на стражников позади. – Слышал я... – Юстос серьезно взглянул на него. – Да! Именно слышал, поскольку больше времени провожу за пределами чертога. Так вот. Дошел до меня слух, что князь Велибор Райс любит рисовать.

– Решил пошутить? – сердитым тоном верумий дал понять, что терпение его на исходе.

– Серьезно. Он рисует карты.

– Карты? – удивился Юстос, сменив гнев на размышления.

– Да, карты. Совершенно разные. Старые крепости, леса, пустыню и много чего еще. Однако, примечательно то, что после этого он составляет на них план атаки сооружения, или врага не присущего восточной местности. Эти места скорее на западе, или на юге. Но и это еще не все. После окончания, князь долго смотрит на полотно, а затем сжигает.

Наступило молчание. Верумий обдумывал: не готовит ли князь войну против союза? Но, он будет безумцем, если решит выступить против чародея. Способна ли армия востока тягаться с возрождающейся армией запада и скрытной – юга? Или самоуверенность князя Велибора застила здравый рассудок? Это нужно было выяснить, причем немедленно. Однако, не лжёт ли ему Перилл? Истину нужно было выявить.

– Скажи, – Юстос решил на мгновение довериться этому человеку, – а карт Мурумала, или Ласпека он не писал? – он пристально посмотрел на провожатого. – Может, Харрасса?

– Если верумий Юстос Эстин обещает не говорить об этом никому – я отвечу. – с лёгким беспокойством произнёс Перилл.

– Даю слово. Будь уверен. – в чем, в чем, а в слове верумия нельзя было сомневаться. Лишь в крайней необходимости тайна покидала уста правителя, если она угрожала жизни и здоровью его подданных.

– Эти карты, – он подъехал ближе к верумию. Юстос ухватил эфес сабли, предупреждая атаку. Несколько ближайших стражей двинулись было к мужчине, а метатель пригнулся и взял сокрытый в полах одежды метательный нож, но верумий свободной рукой остановил их. Однако, мужчина без оглядки приблизился и шепнул на ухо: – единственные, которые он не сжег.

Оставшуюся дорогу они ехали молча. Перилл не решался нарушить молчание, а Юстос думал над словами, что откроют замыслы Велибора в разговоре.

«– Карта Мурумала должна быть спрятана, как и Ласпека. Но, что толку, если князю известны планы строений? Нужно выведать у него, а лучше – разузнать самому! Но, как мне попасть в покои незамеченным в неизвестном чертоге? Может узнать у этого? Нет. Таким доверять нельзя. Почему он вообще мне это рассказал? Может хочет, чтобы я попался при обыске? Нельзя самому искать подтверждение и посылать кого-то. Только разговором можно добиться. Но, спрашивать прямо, или скрытыми вопросами? Там видно будет». – размышлял он.

От порта до Древозара они доехали за пару часов. Всю дорогу Юстоса тяготила не только новость от провожатого, но и то, что при отбытии из конюшни с окна управы вылетел ворон в сторону города.

«Князь Велибор знает о моем прибытии! – понял Юстос. – Но, что здесь делают гольфары? Неужели, с их помощью восток намерен покорить юг, как сильнейший регнум, а после и запад? Даже если и так. Остатки их армии сметут отвергнутые. Те не станут тихо отсиживаться за горами».

В пучине дум верумий не заметил, как перед ним вдаль показался Древозар. На большом пригорке, окруженный двойным частоколом, а за ним – высокой бревенчатой стеной, стоял деревянный град. Терем князя был на возвышении и виден из любой точки долины.

Хоромы князя заслуживали отдельного описания. Несколько золотистых на солнце здания были соединены переходами, да настолько отбеленными, что походили на корону со скрепляющим белым металлом меж золотых зубцов.

Посреди двора стоял высокий сводчатый терем – украшение всего града. Его червонная крыша была увенчана двумя коньками: резной головой лошади с открытой пастью и столь же красивым волнистым хвостом, изгибающимся подобно морской волне. На вершине фронтона красовалась восьмиконечная звезда, так же вырезанная искусным умельцем.

На верхнем этаже бросались в глаза красные сдвоенные окна с открытыми решетчатыми ставнями. Вообще резьба была повсюду, словно кому-то было скучно, и он красиво обрезал все лишнее в отсутствии князя.

По углам терема были пристроены четыре небольших башни, где могли поместиться лишь двое смотрящих. Однако, на них резьбы не было. Обычные коричневые с деревянной черепицей цилиндры гнездились к терему, как птенцы к матери в холодную погоду. Здесь они носили простое название, отражающее их принадлежность – «смотрильни». И действительно, в окне одной из них мелькнула чья-то фигура. Неусыпная стража в любой момент сообщала об угрозе ещё до её подступов к стенам.

Вокруг терема на уровне второго этажа по всему периметру был один сплошной балкон с перилами и крышей. По нему бродила пара людей, что-то обсуждая. От этих балконов, называемые «гульбищами» отходила пара крытых переходов – сени. Они в свою очередь соединяли второй этаж терема с жилищем князя – его выдавал размах и простор, а также печная труба – и с хозяйским домом, где принимали почетных гостей и пиршествовали.

Хотя весь град отстроен был из дерева, его красоте, а тем более прочности, завидовали западный народ. Зодчие-мастера развили свои таланты укладки и приданию формы древесине настолько, что оборона Древозара могла длиться непрерывно не меньше осады белокаменного Мурумала.

Гости приблизились к воротам града. Но не со стороны большого тракта, где толпились повозки и кони. Перилл показал другой вход, где никого не было, а врата сливались со стеной. Навстречу вышел из маленькой боковой двери, служившей входом в сторожку, из-за стены, рослый богатырь. Кольчуга ему явно была мала, а шлем он и вовсе не надел, видно не нашелся по размеру. В руках красовалось увесистое копьё, а на поясе висел меч.

Он окинул взглядом отряд и спросил спокойным басом:

– Кто будете? И зачем пожаловали?

– Ты меня знаешь. – первым высказался Перилл. – Я веду досточтимых господ в чертог князя.

– Князь не принимает кого попало! – по его виду стало заметно раздражение. – Сын Карстов может проходить. Вас я не ведаю.

– Мы – не «кто попало». Перед тобой новый верумий Мурумала – Юстос Эстин. И, судя по всему, князь уже знает о моем визите.

Богатырь почесал бороду и задумался:

– Эстин... Эстин... – словно в дремоте произносил он. – Погодите-ка, неужто что-то случилось с великим Дуктором Эстином? – тревога появилась на лице воина.

– Мы возвращаемся с реуниона Дуктора.

– Кто? – возмутился витязь. – Кто смог одолеть великого воина? – его глаза загорелись злобой.

– Не с тобой мне об этом говорить. – серьезно сказал Юстос. – Отворяй врата. Мне нужен князь!

Богатырь приблизился к лошади собеседника. В его лице не было и намека на угрозу, лишь сожаление. Но, не смотря на это, стражники Юстоса сомкнулись перед ним и положили руки на рукояти сабель, однако, верумий взмахом руки их отстранил.

– Молю тебя, господин, скажи, как это произошло? Все воины Гобинворга имели честь пировать с ним. Иной раз чаще раза в год, ведь он был «своим». Его предков почитают здесь до сих пор, в бытность свою советниками князя Беломира, деда Велибора.

– Как твое имя, воин?

– Я – Ингар, сын Вейта.

– Знай же, Ингар, что великий верумий пал от руки того, кто более могущественнее его. Остального сказать не могу. А теперь, отворяй врата!

Витязь подчинился и со скорбным видом вошел в сторожку. Дверь он не прикрыл, и было видно, что в стене есть небольшое спрятанное окошко. Через него Ингар велел кому-то открыть ворота. Послышался звук вынимаемых засовов. Одна воротина скрипнула, за ней другая. И, наконец, путь за стену открылся перед ними.

Казавшийся маленьким со стороны Древозар был огромным внутри. Сами стены, снаружи – хлипкий частокол, внутри были укреплены тройным слоем толстых обработанных стволов, называемые здесь «городнями». Над ними по всему периметру стояла дюжина башен в три боевых яруса бойницами для стрельбы. Между башнями вдоль городней на уровне второго этажа были надстроены боевые ходы, защищенные деревянной оградой с бойницами и крышей, по-здешнему – «забралом».

Такую стену часами пришлось бы брать, как бы ни днями. Однако, при наличии метких стрельцов, чем ещё славился восток, ее не возьмет ничто, кроме чародейства. В дополнении к такой обороне, вдоль стен снаружи выкопан ров в три взрослых человека, а стены явно обработаны негорючей жидкостью.

– От кого они так защищаются? – спросил Юстос проводника.

– От недругов иных мест обитания, но чаще – от фауны лесной и пустынной. – ответил Перилл.

– Я слышал про вашу беду. Но, как мне говорили, они являются по одиночке, или вдвоем...

– Все так. Однако, они сильны, отчего приходится биться с ними в чистом поле. Иначе, материалов для стен не запасешься.

– Часто гибнут дружинники?

– Когда один – почти никогда. Если двое – только самые невнимательные. В худую битву и по трое покидали нас.

– Лихо. А что государь юга? Он не помогает вам?

– Фейхран прислал ответ: «Покуда не очищу Тахсал от врат врага – не помощник вам». Справляемся своими силами.

– Откуда ведаешь ответ?

– Я не последний человек в чертоге. И паче – в граде.

Юстос вновь задумался: «Почему государь не в силах помочь союзникам? Неужто есть заботы выше таинственного леса Ковалдис? Тайны окружают чародея, как сорняк цветок. И вязнет он в них, как в трясине». Они проехали скопы, малые мастерские, дома ремесленников и бани.

Проезжая мимо кузни, Юстос остановился и решил присмотреть хороший меч. Он слез с коня и подошел к столу с оружием. Стражи последовали за ним. Обычное горнило с мехами,

наковальня, каменное полотно и корыто с водой не особо бросались в глаза. Однако, выставленные на показ клинки, притягивали взор опытного воина. Кузнец, плечистый и сильный мужик, но ростом ниже Юстоса, прекратил работу, завидев важного господина с охраной и молча стоял, ожидая обращения.

«Он знает этикет. Для обычного кузнеца – это необычно». – подумал верумий.

– Здравствуй, хозяин. Я бы хотел прикупить хороший меч для сына. Что посоветуешь?

– И ты будь здоров, господин. Те, что на столе – самое худое из моих товаров. Лучшие я делаю на заказ.

– Долго ждать?

– Через пять светил будет готов лучший клинок.

– Столько я здесь не пробуду. Нет ли у тебя в запасах доброго металла? Я ищу нечто особенное.

– Если господин желает, к вечеру я дам ответ. – кузнец поклонился.

– Да будет так! Перед заходом светила я буду здесь. – с этими словами Юстос развернулся, сел на коня и отправился со свитой дальше.

С приближением к площади «трех», что была в каждом регнуме, маленькие домики становились обширнее. Появлялись богатые дома местных купцов, более дорогие лавки и совсем немного – фонтаны и статуи. На площади красовалась огромная статуя, высеченная из камня искусным скульптором. Именно он в далекие времена создал три величественных монумента в регнумах союза, отражающих могущество каждого и их троих в целом. Каждому великое творение что-то приносило, будь то память о защите, или же об угрозе в любой момент. Однако, и те и другие любовались мастерством уже почившего, но не забытого Флиамуна – бедного подмастерья и самоотверженного гражданина.

Все трое изображённых стояли спиной друг к другу, словно окружённые. Один был молод в простом одеянии, в которых обычно ходят бродяги. Воздев одну руку к небу, а другую вперед, он ехидно улыбался. Юстос слышал о нём, кто затеял покарать непокорных и сжечь Ласпек. Его буйный нрав сподвиг множество прений, и все они заканчивались чьей-то смертью. Это был отец Фейхрана Фаранха – безымянный чародей. Однако, не смотря на его поступки, свою задачу он выполнил – спас смертных ценой своего бессмертия. Второй был средних лет, в одеянии богатого странника. В руке у него лежал шар, а вторая рука, словно высасывала из него силу, со скрюченными пальцами была над ним. О нём не осталось записей и слухов. Каким был наречён, таким и почил. Последний же – старик в одеждах столь красивых, что любой правитель бы позавидовал. Они были из тончайшего шелка с мягким бархатом в подкладке, его выдавал ворот и распахнутая в области шеи платье. Рукава из атласа, а штаны – сочетание велюра и кожи горностая с мехом. Ботинки были тоже бархатные, но жесткая подошва, словно из неизвестного материала, придавала им вид немыслимой для изготовления обуви. Все части одеяния были украшены дорогими камнями. На голове у него красовался обруч с пятью гранатами, а на шее висело ожерелье с тремя сапфирами. Каждую руку обрамлял браслет с мелкими агатами. Все камни светились, словно подпитывали хозяина. Сам же старик держал металлический посох, созданный из сплетенных ветвей, и направлял его вперед. Лицо его было спокойное и умудренное долгими веками жизни. Негласный глава их ордена – таким он жил и защищал людей от гнева прочих двух. Ликом добродетели явился перед всеми и мудростью неоспоримой. Лишь он уговорил других сражаться с Дэмером в открытом поле, к чьей битве вермерты примкнули. Сложил он вечность ради мимолетной жизни, чего осмыслить отец Фейхрана до конца не смог.

Вокруг троих обручами выплескивалась энергия, образуя круги снизу вверх от мала до велика. Над головами мужчин сияла звезда о восьми концах. И то прекрасно сочеталось с любым народом из союза. Юноша – источник безмерной мощи и горячей головы, отражал восток, готовый подчиняться лишь себе, но и прислушиваться к старшим. Неизвестный – зер-

калом для запада стоял. Такой же скрытный, верный до конца, но сторону свою всегда предпочитает. Старик же, югом оглашенный, оплотом мудрости и тайн прослыл. И жертву приносил всегда свою.

Статуя впечатляла своим великолепием. Глядя на нее, хотелось броситься в атаку на недруга, порвать его пополам и пировать до рассвета. Но, то было рвение, свойственное местным жителям. Путешественники же наслаждались творением единственного скульптора, получившего благословение каждого правителя поставить его на главных площадях. Прошло неприлично много времени для людей с момента ухода троих, но память их деяний остаётся и по ныне. Особо чтят их на востоке, прославляя на каждом пиру. Витязи перед боем берут из этого источника отвагу и свой неповторимый натиск в бою против постоянных нападений странных «соседей». Эта статуя была больше, чем красивым творением. Покуда она воодушевляла воинов перед каждым боем, её значение превосходило даже обереги и талисманы.

Вокруг скульптуры ровным квадратом лежал деревянный помост. Он был небольшим, но красивым. Гражданам почтенного возраста разрешалось расположиться на нём у ног троих и отдохнуть под защитой могущественных чародеев. Множество полевых цветов украшали его. Каждый день садовники приносили радость лугов и убирали увядшие. Люди любили троих, кто спас их от бедствий Дэмера и его предвестников. Однако, мало кто помнил о десятирех близнецах, которые внесли гораздо больший вклад в сохранение Пондера и всего Темунда. Лишь историки и владыки ведали столь важную тайну.

Не желая больше задерживаться, Юстос тронул коня и через сотню метров прибыл наконец к хоромам князя. При входе стояла стража с алебардами, а на стенах, окружающих двор, из бойниц выглядывали стрельцы. Отряд спешился и направился к закрытой решётке.

– Кто будете? – поинтересовался стражник ещё до того, как верумий приблизился.

«Они знают о моём прибытии. Неужели князь желает унижить меня, не доложив своим соглядатаем? Так и быть, перешагну через гордость. В конце концов, помощь нужна мне». Юстос было хотел ответить, но его перебил Перилл:

– Позвольте мне, господин. – верумий не удивился, но настороженно кивнул в знак согласия.

– Отважные Полов и Гъярд, – начал проводник. Стражники с каменными лицами перекинули взгляд на Перилла. – Возможно вам передали, что верумий Мурумала, Юстос Эстин, прибыл к князю Велибору Райсу. – на удивление они оба кивнули. – Тогда, будьте любезны, пропустите нас дабы избежать гневных слов от владыки.

– Нам известно о прибытии верумия, однако, не будет сказано в обиду путникам, откуда нам знать, что вы тот, за кого себя кличете?

– Вы меня не знаете, или не верите мне?

– Мы знаем тебя, Перилл Карст. Однако, не видели нового верумия Мурумала. – сказал второй.

– Вот это подойдет? – наконец выступил Юстос, показав свой нагрудный символ – регалию запада. На золотой цепочке большой золотой диск, обрамленный самоцветами символами «W» и «M», что означало «Верумий Мурумала».

Оба витязя, как увидели этот символ власти, переглянулись и удивились. Пару мгновений спустя один молвил:

– Прошу, проезжайте. Коней оставьте, где удобно. Конюх из заберет. Только прошу, ответьте: что случилось с верумием Дуктором Эстином? – не дождавшись ответа он добавил: – Мы стоим здесь уже долгое время спорим – жив ли он или приказ князя неправильно поняли.

– Весь Гобинворг узнает об этом после нашего убийства. Вам лично сказать я ничего не могу. – с этими словами Юстос продолжил путь мимо опечаленных стражей.

Решётка поднялась, открыв все великолепие княжеского двора. Слуги, или как здесь их кличали «смерды» спокойно ходили по двору, как по своему делу, и занимались каждый сво-

ими делами. Не было ни одного надсмотрщика за ними, но никто и не работал вполсилы. Один человек схватил телегу и без какой-либо помощи укатил её в другой конец двора. В Мурумале как минимум четверо катили бы её с причитаниями.

«За что они работают, не жалея себя? В чем смысл их трудов для них самих без угроз и подстегивания? „Действительно, варвары!“ – сказала бы Флагигия Суперби. Однако, здесь кроется нечто иное! Словно, свободный народ они трудятся для общего блага. Но, для чего им слуги, если работа итак делается?» – размышлял Юстос.

Не в силах понять, он обратился к проводнику:

– Перилл, я знаю, что это – смерды. Расскажи, чем они отличаются от западных слуг?

– Видишь ли, владыка, за провинность слуг могут убить. В Древозаре – это запрещено. Смерду-закупу, или смерду-рядовичу могут назначить несколько лун работ, показательная порка, или понижение его сословия до холопа. Но, и пониженные могут вернуть себе звание смерда.

– Хорошо. Но, холопы – уже ниже, а значит их можно истязать...

– Снова не так. Холопов можно наказать отбиранием у них всего, чем он владеет, сослать в другую часть регнума в услужение тому же смерду. Однако, за смерть гражданина Древозара, или союзных с ним народов, полагается искупление.

– Жизнь за жизнь?

– Смерть для смерти.

Верумий слегка удивился.

– Снова убить человека?

– Не человека. – Перилл загадочно ухмыльнулся и пригласил Юстоса в терем.

Краем глаза западный правитель осмотрел двор, убеждаясь в наличии амбара для хранения запасов к столу князя и пары хлебов со скотиной, подтвердив свою догадку на тракте.

Велибор Райс

Долг зовет

Всю ночь князь не смыкал глаз. Мысли о заставе беспокоили его. Если поначалу вино расслабило его, и дремота слегка коснулась, но также быстро отступила, то, с наступлением трезвости, глаза вообще не закрывались. Тревога наполнила сердце, как хмельное чарку. Слишком много напастей даже для такого сильного войска, как у него. Если его предкам часто приходила помощь с юга и запада, то сейчас от союза остались лишь торговые отношения. Полагаться приходилось лишь на свои силы и смекалку. Волхв был весьма вольным, отчего на его помощь нельзя было надеяться. Необходимо было разделить дружину и отвести часть на помощь стражам. Иного выхода он не видел.

Князь бродил в темноте по комнате и поглядывал в окно. Рассвет все не приходил. Снова кровать и снова бессонница, круг до окна и обратно в кровать. Кувшин с вином опустошился слишком быстро, поэтому решено было сходить за другим. В повалуше не было ни души, но столы стояли накрыты. Велибор взял попавшиеся на глаза вино и пиво и вернулся в опочивальню. Вся ночь пролетела чередой хмельных и трезвых размышлений, пока перед первыми лучами солнца дремота не настигла его на полу в обнимку с пустым кувшином.

Под утро крики петухов отогнали только пришедший сон. Тяжелые веки, как и в прошлое утро, с трудом поднялись, норовя тут же свалиться обратно. С гневом и туманом в голове тело поднялось, подошло к кадке с холодной водой и окунулось в нее до плеч. Ледяная вода быстро смыла остатки сна и взбодрила очнувшуюся душу. С минуту он держал так голову, затем выпрямился, растерся и оделся к трапезе. Весьма простая рубаха с сермяжными штанами – была очень удобна и по сердцу правителю во время кушанья. Вглядываясь в окно, из которого открывался прекрасный вид на весь город, он окидывал взором быт простого люда, который так тяжело было защищать.

«Испокон веков мой род оберегал вас от полчищ тварей, коим нет счета. Многие полегли на поле брани, токмо устоял славный град. Ныне надобно подымать меч своего предка всяк воину, аль умельцу, аль смерду. Сдюжат ли они сберець стены души Гобинворга, иль падут в яростной схватке?»

Звуки утреннего сбора князя услышал его родич, поджидающий снаружи, и постучал в дверь.

– Почто тревожите так рано? Кто? – громогласно осведомился князь, отвлекшись от глубокой мысли.

– Ратидар, владыка. – был ответ.

– Входи!

Дверь отворилась и на пороге показался воевода. Он казался бодрым, свежим, но красные глаза выдавали такую же бессонную ночь. Иной раз друг дождался бы его в повалуше, или во дворе. Однако, этот раз был исключением.

Князь, не сводя глаз с картины за окном, попытался побыстрее подтолкнуть Коула к важной мысли:

– Как ночь тебе?

– Звучно молчалива. То ли не мирное безмолвие пред бурей?

– Думается мне: была та ночь конечной для пригожего сна.

– Эд, почто молвишь так? – пытался переубедить его воевода. – Еще будет не одна такая.

Будь уверен.

– То-то и оно! Осталась лишь вера среди бессчётных вопросов. – хмуро ответил князь. – Дружина готова следовать в путь?

Осознание с быстротой молнии явилось со сменой темы. «Неужто Ратидар рвется со мной на заставу? Не стоит этого допустить! Место воеводы – с его войском!».

– Почитай так. Дал им последний указ. Кто прощается с семьями, а кто творит молитву. Надобны нам все силы для защиты рубежа! И... – замялся он, – ... лучшие воины! – его улыбка лишь подтвердила намерение Ратидара направиться на заставу.

– Дай им еще малость времени. Идём в повалушу! – князь пытался найти слова для удержания порыва друга по пути, что оказался слишком коротким.

Скрипя половицами, они спустились на первый этаж, где их уже ожидали постельничий и стряпчий, готовые в любой момент выступить куда угодно лишь по воле князя.

– Почивать стану на заставе. – обратился князь к первому. – Сготовь все надобное. Вечор двинемся. – взор скользнул на воеводу, что стоял поодаль, о чем-то задумавшись.

«Не стоит его брать! Сколь не была бы велика его сила, защитить Древозар – его долг!».

– Будет исполнено, великий князь. – поклонился ему постельничий.

– Тебе ведомо что делать. – сказал Велибор второму. Тот в ответ молча поклонился. – Что с трапезой?

Стряпчий указал рукой, отступив в сторону, на горячий завтрак, ожидающий его на столе. Однако, на этот раз князь трапезничал почти в одиночестве. Лишь приближенные были рядом. Закон был таков: коли недруг одолел – место за княжеским столом, коли недруг не явился – жди его. Ночь прошла без нападений, а значит – без пиршества.

Владыка наедался на неделю вперед. Он знал, что в ближайшие дни такой стряпни ему не отведают. Ратидар с двумя советниками при Древозаре составили компанию к трапезе. Их угощали жареными перепелами в винограде, зайчатиной тушеной, икрой заморского государства, южным вином, отварными овощами, а на последок – лепешки в меду под травяной настой. Музыканты играли знакомые песни, что послужило отличной возможностью еще раз обдумать поход на север.

Время пролетело незаметно под гнетом не отпускающих мыслей, и Велибор не заметил, как трапеза кончилась. Чаша опустела, миска сохранила лишь напоминание еды, потому воевода и послал за конюшим. Тот не замедлил явиться и получил распоряжение готовить скаковых к дороге. Мальчишка откланялся и убежал.

Князь сидел в смятении, что заметил Ратидар.

– Что гнетет тебя, княже? – поспешил пододвинуть другу корзинку с плодами из южного регнума.

– Незванный гость. – ответил Велибор. – Некто желает меня видеть без должной вестии. Наш волхв, стал шибко вольным. Гольфары, чей скрытный умысел мне не по нраву. Лихо заставы, ставшее напастью, как с лесными. Наш уклад, в конце концов, ставший паче образа судьбы малого острова в бурю с приливом. – князь в гневе ударил кулаком по столу, отчего корзинка подскочила и перевернулась, раскидав плоды по столу и полу.

– Помнится, предки Райсов любую напасть ладили. – уставившись на разбросанные плоды, проговорил воевода. – С улыбкой на устах встречали недруга, со светлой главой – судьбу владыки. – взглядом он указал другу на кувшин с вином, отчего князь пристально и серьезно на него посмотрел, словно лев, что вот-вот бросится на свою добычу.

И, вдруг, вслед за этими словами прибежал воронничий и, не замечая гридей и свиты князя, лез напролом к Велибору. Пара гридей схватила его, и один спросил:

– Ты обезумел?

Мужичок в годах весь растрепанный с несколькими белыми пятнами на одежде – наверняка результат пищеварения птиц – стремился все ближе к господину с куском бумаги в руках.

– Княже, ворон прилетел с порта!

Велибор рукой дал знак, чтобы его пропустили, но, увидев замаранный кафтан, слегка отстранил воронничего от стола. Вновь его взор скользнул в сторону Ратидара и вернулся обратно, давая понять, что этот разговор будет продолжен позднее.

– Продолжай. – все внимание было нацелено на мужичка.

Гонец отряхнулся, поправил взъерошенный стражей кафтан и сказал:

– Так вот, с порта прибыл ворон с вестью о явлении нового верумия запада! Он взял провожатого, коего послал ты, княже, и направился сюда. Должно быть, он уже явился к воротам нашего града. Исповедую: не сразу я заметил послание, ибо отлучился по естественным делам, а после – по делам насущным.

– Сиречь весь путь его ты был в отхожем месте и в стряпуше. – воронничий печально кивнул. Велибор посмотрел на командира стражи и сказал: – Дать ему два обеда дружинника, а после – не дать «делам естественным», – повторил он слова мужичка, – покинуть чрево до вечера!

– Слушаюсь! – ответил тот, махнув рукой на двух стражников. Те в свою очередь быстро уволокли беднягу под руки из повалуши.

– Сготовьте чертог для верумия. – уже с задумчивостью приказал он. – Да живет!

Командир поклонился и махнул самому молодому стражнику. Тот мигом испарился из зала, осознавая всю важность задачи.

– Что ж, поведай нам, кто ты, верумий запада. – усмехнулся Велибор. – Так ли ты добр, как старый правитель. – кувшин с вином отдал ему свое богатство.

Спустя некоторое время в чертог, где на престоле сидел князь, а свита стояла у стен, распахнулись ворота. Первым вошёл Перилл Карст, поклонился и объявил:

– Верумий Мурумала, правитель западного регнума, славный воин и мудрый командующий – Юстос Эстин! – он поклонился и отошёл в сторону, открывая путь для гостей.

В праздном шествии без оружия в окружении верных соратников, гордой походкой, но с присущей лишь отвергнутому, оценкой опасности, легко ступал по ковру верумий Юстос Эстин. Князь в свою очередь тоже оценивал гостя, но скорее его характер и отношение к гостеприимству Велибора. Краем уха он слышал короткие переговоры советников и командующих, описывающих одежды, походку и прямой взгляд верумия.

Велибор знал из рассказов отца о внезапных атаках отвергнутых и хитрого получения знаний обо всем вокруг. Пока предводитель шёл с прямым взглядом к неизвестному, изучая его характер, слабости и силу, сопровождающий отряд примечал скрытую угрозу, пути отступления, безопасные места для боя и прочее. И каждый воин отвечал за свое направление, передавая скрытыми сигналами обстановку, будь то шмыгание носом, или случайно громкий шаг, звяканье оружием, или глухой удар рукой по ноге. Этот раз не был исключением. Со стороны походило на привычную глазу процессию с небольшим пренебрежением правил этикета. Однако, князь видел каждое движение воинов, сообщающих верумию все, что видят.

Ровно посреди чертога на ковре была явная отметка, где особые гости останавливались и обращались к князю. Вышитый цветок с прекрасными лепестками. Таким образом, пришедшие проходили свои двадцать шагов и, если князь будет благосклонен к ним, он спустится и пройдет свои двадцать шагов. Юстос не желал нарушать обычаи своего рода, но вспомнил малую хитрость из времен, когда население на в регнуме только начало расти. Когда правитель приезжал к князю за личной помощью, но не хотел, чтобы кто-то кроме князя узнал об этом, он делал специально лишний шаг, как бы невзначай, чтобы князь прошел лишь девятнадцать своих. Тогда тайные дела будут обсуждаться за закрытыми дверями. Велибор также помнил позабытый многими жест, и внимательно наблюдал за верумием.

Правитель запада тем временем остановился ровно в центре и возвестил четко и громко:

– Здрав будь владыка Гобинворга, князь Велибор из рода Райсов! Да не оскудеет твой край и не зачахнет бравая дружина! Пусть обретет покой в садах Магориэна твоя супруга, а чадо твое – дает повод для гордости! – произнес он, расставив руки.

– И тебе долгих лет жизни, правитель запада, верумий Юстос... – он сделал еле заметную паузу, – Эстин. – гость понял, что союзник решил поиздеваться над ним. – С чем пожаловал в мой чертог? – Велибор притворно оперся на сложенные «домиком» пальцы, давая понять, что очень внимательно слушает. Однако, правитель следил за любым мановением, или сигналом, что выдаст Юстоса только перед ним. Однако, не упускал и возможную угрозу с его стороны.

– Прибытие мое знаменует лишь горькую утрату любимого, не только у нас, как я заметил, верумия Дуктора Эстина. В этом славном граде, – верумий обвел всех присутствующих рукой, – до сего дня его считали живым героем, воплощением мужества, славы и душой любого пиршества. – Юстос с прищуром посмотрел на князя. Велибор не моргая выдержал взгляд верумия. – Да, жители Вокалтуса, мне тяжело это говорить, но болезнь сердца трудно предугадать, тем более лечить. Тебе, князь, – он указал раскрытой ладонью вверх на Велибора. В этот момент восточная свита взглянула на князя, а Юстос, воспользовавшись моментом, шагнул к престолу. Когда все снова повернулись, верумий продолжил: – я благодарен за учтивый прием. Мы многое должны обсудить.

Наступило молчание. Каждый ожидал ответа князя. Даже птицы за окном, казалось, стихли.

«Если Велибор мудр, то сердце подскажет ему ответить на мой зов! – размышлял Юстос. – Сойди с престола! Позволь донести до тебя истину! Но, если твоя гордость возвысится над договором – тайно проберусь и добуду ответы!». Терпение верумия подходило к концу с каждой секундой. Долгое ожидание ответа сулило насмешкой над союзным правителем.

«Коли молвишь лишь эту весть, – размышлял князь, – несешь за собой тайну глубокую! Токмо, сотворив паче шаг, тайна достигнет моих ушей. Дуктор наказал, иль сам узнал? Прозорлив усопший правитель! Этот не так догадлив. Что ж, послушаем тебя, Юстос „не“ Эстин...».

Наконец, Велибор встал. Восточная свита переглянулась и оживилась. Юстос так и стоял на шаг ближе к престолу. Князь неторопливо подошел к верумию с явно гневным видом. Деревянные половицы хоть и были не новы, но ни одна не скрипнула под шагами правителя, даже когда его свита последовала за ним. С минуту длилось молчание, после чего Велибор хмыкнул и ответил:

– Твоя горестная весть обогнала тебя, но лишь в узком кругу. Великий Дуктор Эстин хорошо подготовил тебя. Будь мне дорогим гостем и пользуйся здешними благами, как я. – они обхватили друг другу руки и улыбнулись. После недолгого молчания князь добавил уже еле слышно: – Встретимся в книговнике на вершине терема в середине светила.

На том и разошлись. Более Перилл не сопровождал его, удалившись по своим делам. По обычаю с дальней дороги гостю предлагали переодеться, вкусить плоды местного урожая и вина. Только после всего этого начинались обсуждения дел. Однако, Юстос пренебрег обычаем и собирался уже выходить. Восточные стражи его не сопровождали и не охраняли покои. Поэтому оставив личную охрану в горнице, он направился за ответами.

Велибор же, покинув чертог, направился сразу в свои покои. Там, сняв одеяния, каждый раз сдавливающие во всех местах, он тайным ходом проник в библиотеку. Важного гостя ещё не было, а значит, стоило позаботиться об удобстве. Князь поставил два деревянных стула со спинками и убедился в отсутствии лишних ушей. Заглянув за каждый стеллаж и проверив надёжность замков на прочих дверях, он зажег несколько свечей на каждой полке и уселся поудобнее на деревянном кресле.

Юстос двигался коридорами в неизвестность. Заветная дверь в библиотеку ускользала от него, затерянная где-то среди прочих тяжёлых и прочных. В конце коридора слышались шаги, отчего верумий тут же скрылся в одной из комнат. Некто громким шагом в молчании

прошёл мимо него и свернул в другой коридор. С облегчением правитель выдохнул, но сзади послышался шорох.

– Тебе нельзя здесь! – проговорил гневно детский голосок. – Ступай прочь!

Юстос обернулся и увидел девочку лет десяти. В руках у неё лежали два кинжала весьма искусной работы. Позади неё стояла массивная дубовая кровать, а в стороне – прижат к стене небольшой стол с плетеными куклами и вырезанными фигурками. Было очевидно, что верумий случайно попал в её горницу, отчего вполне она могла убить названного гостя. Настрой у нее был чрезмерно твёрдый – уничтожить чужака! Однако, мужчина не смел провоцировать дочь князя.

– Уже ступаю. – мягко сказал Юстос. – Я ищу книгозавод. Может, ты подскажешь?

– Вторить себе не буду! Проткну и позову батюшку!

– Ты меня не знаешь? Я ведь прибыл сюда к князю Велибору... – «маленькая рысь, – подумал он, – только не сглупи!».

– Меня не было в чертоге, потому и не ведаю тебя! Книжки там, за дверью в конце, справа. Теперь ступай!

Верумий вспомнил, как зовут её из разговоров с Дуктором. Однако, это могло разъярить неопытную воительницу. Вслушавшись в тишину коридора и убедившись в отсутствии случайных глаз, правитель произнёс:

– Благодарю, Агнимира! – поклонившись, он закрыл за собой дверь.

Быстрым шагом пересёк Юстос несколько комнат и оказался у искомого входа. Дверца со скрипом приоткрылась и показала хранилище истории и учений. Невысокие стеллажи стояли рядами, имея на себе вырезанные символы животных и явлений природы. В центре библиотеки в окружении тишины и потрескивающих свечей сидел Велибор Райс, увлекшийся одной из книг. Позади него висели два погасших факела.

– Сюда, Юстос. – из полумрака донесся грубый голос князя. – Коли не против.

– Позволю на согласие в твою же сторону, Велибор. – верумий подошел к свободному креслу и разместился в нем, расстегнув верхнюю полу одежды.

– Здесь можешь молвить без утайки. Тебе требуется моя помощь, и я помогу преемнику Дуктора. Тебе удалось крадучись явиться сюда тайно, я надеюсь?

– Случайно встретился с твоей дочерью...

– Случайно? – насторожился князь.

– Забрел в её комнату и чуть не лишился жизни.

– Хм...

– Она всегда ходит с кинжалами?

В ответ Велибор громогласно рассмеялся. Юстос не мог понять, но ждал ответа в безмолвии. Сквозь хохот князь проговорил:

– То дар от местного кузнеца на её десятый яр. Токмо, я изъял их после того, как она стала бить скотину. Видимо, вернула себе дар тайно от меня.

– Так или иначе, её нужно обучить!

– Ведаю то. Токмо, всех наставников отвергает, а манеру боя выдумывает. Таких вольностей для натиска не бывает даже у самого проворного разбойника. Однако, вернемся к молве...

– Да, просьба будет не из легких. – Юстос наклонился ближе. – Дуктор Эстин, как было сказано, погиб от болезни сердца. Он был с рождения болен пресянкой, и это послужило его ранней кончине.

– Таак. – протянул князь. В отличие от других, ему ведомо было, что прежний верумий исцелился от хвори еще в юношестве.

– Только эту историю должны знать все. Я же поведаю иную, истинную причину гибели правителя Мурумала.

И Юстос, не упуская ни детали, ни словечка повторил все, что знал сам с момента поступления вести и до странного реуниона. Велибор молча выслушал с задумчивым видом. По его лицу можно было судить о горьком переживании за старого друга. Печаль окутала его мысли, а скорбь послала свою влагу. После окончания рассказа, был задан лишь один вопрос, окутанный печалью:

– Что хочешь от меня?

– Мудрейший Фейхран Фаранх сейчас вне досягаемости даже собственного сына. Никто не ведаёт где он. Химсин же лишь недавно достиг полных пятнадцати лет для замещения отца на троне. Он не в силах оказать такую помощь в силу малой мудрости. Лишь Велибор Райс, князь Гобинворга, чьи поселенцы забрали с собой мудрость юга разных областей, способен на это. Или никто. Бессмысленно искать ответы на западе, ведь туда ушли не столь мудрые и воинственные народы.

– Мудрено то, – князь сделал паузу, затем продолжил, – но дозволено. Раз мой волхв в отлучке, надобно нам прибегнуть к тайнам закрытой части книговника, где хранятся знания «того» мира.

– Неужели кто-то побывал уже «там»? – интерес хлестнул по сердцу верумия.

– Множество книг писано теми, кто хоть раз слышал, о пределах Пондера. Множество меньше – о низах и высотах. Токмо, трое... Да! Те самые «Трое» писали единый трактат под именем «Запредельные глубины». Там изложили все, о том месте. Диву дается другое – Фейхран сам отдал его нам в дар. Не ведаю с какой целью. Видимо чуял его пользу. Видишь ли, Трое дважды вторгались в царство Дэмера, а на третий – исчезли.

– Что ты говоришь? Известно, что они были лишь один раз, когда запечатали «его» там, а сами проникнув за завесу, закрыли вход изнутри.

– Я его читал! – тихо, но твердо заверил Велибор. – Верь мне, они трижды были там. Однако, не все слова были постигнуты разумами малыми. Люди не в силах постигнуть всей мудрости. Будь тут! Я сейчас. – С этими словами князь встал, прошел вдоль стеллажей, завернул внутрь между двух предпоследних и подошел к стене.

Рука проникла между книгами и нащупала привычный веревочный канат, за который с силой потянула. В стене с тихим щелчком слегка приоткрылась дверца. Велибор ее толкнул и оказался в темной комнате. Глаз не мог разобрать даже очертания, поэтому владыка вернулся к столу Юстоса, взял с подставки факел и молча скрылся за стеной.

В закрытом зале стояли расписные шкафы с изображениями тех книг, что хранились внутри: три рыбины – тайны воды, сокол – загадки неба, скорпион – устройство почвы, и еще несколько. Вдали посередине стоял шкаф с резным черепом. Князь подошел к нему и открыл. На самих дверцах в деревянных кармашках ожидали читателя книги про жизнь и смерть. На полках ниже середины – про смысл жизни, а выше – философские размышления о смерти и божественности Магориэна. Ровно посередине на металлической подставке под углом, скованный цепью, звенья которой были из разных металлов, включая метеоритный и серебристую сталь, лежал трактат. Одним своим видом он «кричал»: – Не тронь великую мудрость, не имея великий ум!». Сотканный из удивительной кожи, переплёт сохранял без единой пылинки не одну сотню лет загадочную книгу. Попади она в руки тех же гольфаров – мир стал бы иным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.